

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.Ю. ПОЧЕКАЕВ

ХАНСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

Очерки истории суда и процесса
в тюрко-монгольских
государствах

От Чингис-хана до начала XX века

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва, 2024

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор, декан
юридического факультета Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге

А.В. Ильин;

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
государственного управления, правового обеспечения государственной
и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

В.А. Воропанов

П65 Почекаев, Р. Ю. Ханское правосудие. Очерки истории суда и процес-
са в тюрко-монгольских государствах: От Чингис-хана до начала XX века
[Текст] / Р. Ю. Почекаев ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». —
М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 448 с. — 600 экз. — ISBN
978-5-7598-2909-6 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-4099-2 (e-book).

В монографии впервые в историко-правовой науке предпринята попытка ха-
рактеристики суда и процесса в тюрко-монгольских государствах на основе монголь-
ского имперского права, которое было создано Чингис-ханом на рубеже XII–XIII вв.
и использовалось его правопреемниками вплоть до начала XX в. Широкий круг
источников и результаты ранее проведенных исследований позволяют проследить
процессы зарождения, развития и упадка ханского правосудия — как на примерах
конкретных судебных разбирательств, так и путем выявления общих тенденций и
принципов процессуальных отношений и специфических аспектов судебного рас-
смотрения в государствах Евразии в разные эпохи. Систематизация сведений много-
численных юридических и неюридических памятников дала возможность не только
реконструировать элементы суда и процесса в целом ряде стран и регионов на тех или
иных исторических этапах, но и показать, как относились к ханскому правосудию
современники и потомки.

Книга предназначена для правоведов, изучающих историю государства и права,
суда и процесса, для историков и востоковедов, занимающихся вопросами истории и
культуры традиционных государств Евразии, источниковедов, этнологов и антропо-
логов, а также для студентов, которые обучаются по данным специальностям.

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2909-6

ISBN 978-5-7598-2909-6 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-4099-2 (e-book)

© Почекаев Р.Ю., 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
----------------	---

Часть первая

НАЧАЛО ХАНСКОГО ПРАВОСУДИЯ

§ 1. Расправа Чингис-хана с Сача-бэки как начало эпохи ханского правосудия	19
§ 2. Судебная практика в государственной политике Чингис-хана (<i>в соавторстве с Ю.И. Дробышевым</i>).....	25
§ 3. Джучи и защитники Хорезма: жестокость или правосудие?	42
§ 4. Правосудие для всех: судебная практика хана Угедэя	56

Часть вторая

ХАНСКОЕ ПРАВОСУДИЕ В ДЕЙСТВИИ

ГЛАВА I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ.....	69
-------------------------------------	----

§ 5. Дело Фатимы-хатун	69
§ 6. Дело о заговоре против хана Мунке	74
§ 7. Победенные перед судом победителей: суд над мятежниками на пространстве Монгольской империи	82
Дело Арик-Буги	84
Дело Борака	88
Дело Наяна	92
Дело Байду	94
§ 8. Расправа или суд? К вопросу о приходе к власти золотоордынского хана Токты.....	97

ГЛАВА II. ДОЛЖНОСТНЫЕ И ВОИНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	107
--	-----

§ 9. Казнь джучидских военачальников ильханом Хулагу	107
§ 10. Процессы по делам о воинских преступлениях в монгольском Иране.....	116
§ 11. Дело Рашид ад-Дина	125
§ 12. Суд Тамерлана	131

§ 13. «По законам военного времени»: правосудие хана Кучума.....	140
ГЛАВА III. ОСОБЫЕ КАТЕГОРИИ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА	146
§ 14. Ханши и правосудие	146
Правительницы перед судом	147
Правительницы-судьи	152
§ 15. Суд после смерти: дело Ахмада Фенакети	158
§ 16. Вассальные правители	164
Сельджукские султаны и сановники перед судом золотоордынского правителя Бату	165
За грехи покровителей: суд над уйгурским идикутом Салынды и грузинским царем Деметре II	176
Дело об измене сюзерену: суд над Муин ад-Дином Перване	186
§ 17. Иностранцы	195
Крымские торговцы против Венеции	195
Судебный процесс в Джунгарском ханстве с участием русского посольства.....	209
«Смерть шпионам» — 1: суд и казнь Ч. Стоддарта и А. Конолли в Бухаре	217
«Смерть шпионам» — 2: к вопросу о гибели Адольфа Шлагинтвейта в Кашгаре	235
ГЛАВА IV. ИСТОЧНИКИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	242
§ 18. Ярлык о назначении эмира яргу <i>(в соавторстве с Л.Ф. Абзаловым, М.С. Гатиным, И.А. Мустакимовым)</i>	242
§ 19. Статус судей Сыгнака в грамотах казахских ханов и султанов.....	262
§ 20. Нетипичные источники судебных решений в практике центральноазиатских правителей XVI–XIX вв.	272
Принцип Ясы, подкрепленный шариатом	272
Историческое сочинение как источник права	276
Мусульманское благочестие казахского хана	279
§ 21. Суд и процесс в памятниках традиционного монгольского права XVI–XVIII вв.	283
ГЛАВА V. СУД И СУДЬИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОСТЕЙ И ПОТОМКОВ	294
§ 22. Суд Идигу: эпическая традиция и историко-правовые реалии	294

---

§ 23. Суд и правосудие в «Записках» Бабура	301
§ 24. Суд и процесс в монгольских «хождениях в ад»	308
§ 25. Суд и процесс в ойратских сказках (на примере цикла об Аргачи) (в соавторстве с Д.А. Носовым)	315
§ 26. Суд и судьи в тюркских и монгольских поговорах и пословицах	328

Часть третья

КРИЗИС ХАНСКОГО ПРАВОСУДИЯ

§ 27. Кого могли и кого не могли судить Гирей?	339
§ 28. Суд над султаном Бараком и кризис ханского правосудия в Казахской степи	347
§ 29. Элементы монгольского и маньчжурского процесса в делах об убийстве в Халхе конца XVIII в.	358
§ 30. Суд ханский и суд имперский: дело султана Внутренней Орды Каипгали Ишимова	368
§ 31. «Арз» в Хиве XIX — начала XX в.	378

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	390
------------------	-----

ГЛОССАРИЙ	398
-----------------	-----

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	403
---------------------------	-----

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	404
------------------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

Правосудие с древнейших времен относилось к наиболее важным функциям монархов, правителей, иных представителей власти. Не случайно многие мусульманские правители на протяжении веков добавляли к своему имени эпитет «ал-адил», т.е. «правосудный», отображая его и на своих монетах: тем самым они сообщали о своей справедливости при разбирательстве судебных дел не только собственным подданным, но и иностранцам, в руки которых попадали такие монеты.

Конечно же, не были исключением и правители тюрко-монгольских государств Евразии, анализу суда и процесса в которых посвящена настоящая книга. Осуществление правосудия как властная прерогатива с древности являлось элементом статуса правителей тюрко-монгольских государств. При этом нельзя не отметить, что судебная власть не была «застывшей» и постоянно изменялась по мере трансформации как самих государств Великой Степи, так и правового положения их правителей внутри государства и на международной арене.

В тюркских кочевых государствах судебные полномочия правителей, по сути, не отличались от аналогичных полномочий родо-племенных предводителей, базирующихся на степных правовых обычаях [Бичурин, 1950, с. 49, 172]. Существенное изменение судебной компетенции правителей Великой Степи происходит в связи с объединением монгольских племен под властью Чингис-хана. Именно при нем постепенно ограничивается вольность отдельных родов и племен, особый статус их предводителей. А действия, которые ранее считались нормой в межплеменных отношениях, например взаимные нападения с целью ограбления стойбищ и угона скота, были объявлены преступлениями против государства и власти верховного правителя — хана. Ряд показательных судебных процессов Чингис-хана над своими родичами и другими влиятельными нойонами зафиксировал закрепление хана как высшей судебной инстанции в своем государстве [Козин, 1941, с. 114–116].

Для того чтобы подчеркнуть и закрепить столь радикальные изменения в судебной сфере, при Чингис-хане и его преемниках была

сформирована особая ветвь «ханской» судебной власти — при сохранении, впрочем, на региональном и локальном уровне суда кочевников по обычному праву, религиозного суда в местах компактного проживания приверженцев той или иной религии и проч. Прежде всего, хан не осуществлял свою судебную власть единолично: в Монгольской империи появилась система судов-яргу, которые разбирали дела и выносили решения на основе установлений Чингис-хана и его преемников — яс и ярлыков о назначении на должность [Золотая Орда..., 2009, с. 235; Хатиби, 1985, с. 104]. Эти нормативные предписания составили основу нового ханского (имперского) процессуального права, постоянно дополняемого также фиксацией ранее принятых судебных решений, которые, в свою очередь, могли послужить основой для последующих разбирательств [Козин, 1941, с. 160].

Специфика имперских судов вовсе не означала, что они создавались Чингис-ханом и его преемниками исключительно на базе собственных представлений о судебной власти. Безусловно, сам статус «государственных» судей был позаимствован из практики соседних государств (в первую очередь Китая). От соседних же народов (уйгуров Восточного Туркестана, мусульманских народов Средней Азии и др.) были унаследованы система делопроизводства, процессуальный порядок, механизмы исполнения судебных решений и проч. (см. подробнее: [Почекаев, 2018б, с. 92–104]). Вместе с тем все заимствования в сочетании с имперскими принципами права и суда позволяют говорить именно об особой имперской судебной системе.

Четкая иерархия судебных инстанций различного уровня — от единоличных судей до специальных судов при наместниках отдельных областей империи и ее преемников и до хана как высшей инстанции включительно — предполагала разграничение их компетенции. В то же время ханы сохранили древнюю традицию, позволяющую любому подданному обратиться непосредственно к суду монарха: она действовала как в Монгольской империи, так и долгие века после ее распада, сохранившись (по свидетельствам современников) в тюрко-монгольских государствах вплоть до начала XX в.

Единству судебной системы Монгольской империи и отдельных государств, выделившихся из ее состава (Золотая Орда, империя Юань, государство ильханов в Иране, Чагатайский улус), не противоречило создание и функционирование специфических судебных структур, которые либо изначально, либо со временем также становились частью общей «ханской» системы правосудия.

Например, в тех регионах Золотой Орды, население которых традиционно имело тесное взаимодействие с соседними народами и государствами в торговой сфере, получили распространение совместные суды для разбирательства споров подданных разных государств, состоявшие из представителей как ордынских властей, так и тех государств, из которых происходили другие участники разбирательства. Статус таких судов специально предусматривался и определялся ярлыками ханов Золотой Орды, в частности для Причерноморья и Приазовья.

В связи с принятием ислама в качестве государственной религии в Золотой Орде, Чагатайском улусе и Ильханате в XIV в. начался процесс постепенной интеграции судов на основе мусульманского права (шариата) в общегосударственные судебные системы этих государств. В результате кадии, которые ранее имели статус «локальных» судей, теперь становились частью официальной государственной судебной системы наряду с судьями-яргучи [Ибрагимов, 1988, с. 76; Радлов, 1889, с. 20–21], а к консультациям мусульманских правоведов и богословов (муфтиев, улемов, сейидов, шерифов) прибегали в процессе разбирательства дел и наместники областей, и, по некоторым сведениям, даже представители ханского рода [Григорьев, Григорьев, 2002, с. 214].

Целый ряд факторов в конечном счете обусловил постепенное уменьшение роли ханского суда, которое в разных тюрко-монгольских государствах происходило в разное время и с разной интенсивностью.

Первым таким фактором стал распад Монгольской империи и выделившихся из ее состава вышеупомянутых государств, также обладавших статусом «степных империй». По мере ослабления центральной власти падал и престиж ханов из дома Чингис-хана, что соответственно приводило к сокращению их судебных прерогатив. С падением престижа ханов как верховных судей увеличивались роль и значение, во-первых, судов на основе обычного права (которые, как уже упоминалось, не исчезали и в имперский период), а во-вторых, судов на основе религиозного права. Со временем суд яргучи просто-напросто исчезает и представителями системы ханских судов фактически оказываются назначавшиеся монархами наместники областей, сочетавшие судебные властные полномочия с административными. Снижение статуса тюрко-монгольских государств от «имперского» к «региональному» заставил их монархов искать новые пути для сохранения своих судебных полномочий, со времен Чингис-хана

являвшихся их неотъемлемой прерогативой. В зависимости от видов государств, которыми они правили, монархи использовали разные механизмы для решения этой задачи.

Так, в кочевых государствах, где вновь стало доминировать обычное право кочевых племен Великой Степи, ханы сумели найти компромисс в отношениях с предводителями отдельных родов и племен и стали разбирать даже такие споры и преступления, которые ранее относились к компетенции исключительно родо-племенных подразделений, а не верховной власти. В то же время некоторые дела, ранее разбиравшиеся исключительно ханами, теперь могли стать предметом рассмотрения судей с более низким статусом — например, судом биев в казахских жузах (см., например: [Ерофеева, 2007, с. 401–402]). Новый порядок получил закрепление в особых кодификациях, в которых несколько причудливо, но в целом органично сочетались элементы прежнего имперского права и обычно-правовые нормы (а иногда и принципы религиозного права). Наиболее ярко этот процесс проявился в Казахском ханстве и монгольских государствах в XVI–XVIII вв.: до нашего времени сохранилась целая серия подобного рода кодификаций того периода (см. об этом подробнее: [Почекаев, 2018б, с. 116–127]).

В государствах оседлого (или полуседлого) типа ведущим источником права становится мусульманское право, и ханам для сохранения своих судебных прерогатив приходится искать точки соприкосновения с развитой шариатской судебной системой — шейх-ул-исламами, муфтиями, кадиями и проч. В результате, хотя полномочия как самих ханов в судебной сфере, так и подчинявшихся им «государственных» судей оказались весьма существенно урезаны, монархам Чингисидам удавалось сохранять формально главенствующую роль в организации судебной деятельности в подвластных им государствах. Эта тенденция четко прослеживается в Крымском ханстве, от которого до нашего времени дошло наибольшее по сравнению с другими тюрко-монгольскими (в первую очередь джучидскими) государствами число правовых и процессуальных документов [Аметка, 2004, с. 8, 10; Рустемов, 2017, с. 158–159, 213, 225].

В других тюрко-монгольских государствах, где ислам являлся господствующей религией, ситуация нередко зависела от того, насколько прочной властью обладали их монархи и в каких отношениях они находились с местным духовенством. Так, в Бухарском ханстве эпохи Шайбанидов (XVI в.) ряд сильных и энергичных монархов, при номинальном признании главенствующей роли шариата, нередко прово-

дил собственную политику в судебной сфере, заставляя мусульманских правоведов даже находить религиозное обоснование ханским решениям, принятым на основе либо прежних имперских принципов, либо собственного усмотрения (см., например: [Исфакани, 1976, с. 59–60]). В Хивинском ханстве в начале XIX в. к власти пришла местная узбекская династия Кунгратов (лишь по женской линии связанная с родом Чингис-хана), первые монархи из которой также существенно укрепили свой статус как высшей судебной инстанции, заставив даже верховных мусульманских судей ханства признавать и поддерживать его [Муравьев, 1822, с. 59–63]. Однако подобные случаи являлись скорее исключениями, и, когда на смену решительным и авторитарным монархам приходили их менее энергичные преемники, реальные судебные полномочия ханов вновь сужались.

В еще большей степени ограничение судебных полномочий тюрко-монгольских монархов оказалось связано с утратой теми или иными государствами своего суверенного статуса.

Так, например, казахские владения в течение первой трети XVIII — середины XIX в. перешли под власть Российской империи, и уже с конца XVIII в. имперская администрация стала предпринимать шаги по реформированию судов, постепенно распространяя на них принципы российского законодательства, инкорпорируя в состав традиционных судов (в том числе под предводительством ханов и султанов из рода Чингис-хана) российских чиновников и т.д. После упразднения в казахских жузах ханской власти в 1820-е годы и власти окружных султанов в 1860-е годы говорить о системе «ханского» суда в Казахстане уже не приходится, сохранился лишь «народный суд» на основе обычного права, да и тот, благодаря усилиям имперских властей, по сути, превратился в низшую инстанцию общеимперской судебной системы с весьма ограниченными полномочиями.

Сходные процессы происходили в Монголии, оказавшейся с конца XVII в. под сюзеренитетом империи Цин. И хотя маньчжурские власти вплоть до падения самой Цинской династии сохраняли в Монголии институт аймачных ханов, их судебные прерогативы также были серьезно урезаны. Уже с XVIII в. в правовую и процессуальную сферу начинает постепенно вторгаться цинское право (номинально разработанное специально для монгольских «вассалов», но фактически отражающее значительное число общеимперских принципов). По мере усиления роли цинских наместников в Монголии возрастал и их контроль над деятельностью местных правителей во всех сферах, включая судебную. Наконец, во второй половине XIX в. цинские

власти официально закрепляют в своей компетенции наиболее серьезные уголовные дела, оставляя в компетенции монгольских правителей лишь незначительные правонарушения и частнопроводимые споры. В сохранившейся процессуальной документации того периода встречаются примеры, когда дело, начавшееся рассмотрением в суде монгольского правителя, впоследствии передавалось на суд маньчжурских чиновников — вплоть до центральных властей (в лице Палаты внешних сношений — Лифаньюань) [Erdenchuluu, 2014; Neuschert-Laage, 2017].

В результате в XIX в. происходит окончательный упадок того ханского суда, который был создан при Чингис-хане и его преемниках, пережил свой расцвет в XIII—XIV вв. и «по инерции» продолжал существовать в последующие века. Даже в тех государствах, которые (по крайней мере, юридически) не утрачивали свой суверенитет, ханский суд со временем стал больше напоминать некий фарс: монархи формально цеплялись за сохранявшиеся судебные прерогативы как символ былого величия своих государств и славы своих предшественников на троне, но сами при этом уже совершенно не представляли смысла этого суда и откровенно тяготились участием в нем. Представители российской имперской администрации в Средней Азии оставили записки о некоторых таких судах.

Например, в Кокандском ханстве накануне его падения (1875—1876 гг.) ханы, осуществляя суд над преступниками, откровенно и практически публично принимали взятки-подношения от родственников подсудимых, чтобы последние были либо оправданы, либо приговорены к менее суровому наказанию [Трионов, 1910, с. 133—135]. В Хивинском ханстве начала XX в. хан, осуществляя (согласно древнему обычаю) суд по искам обратившихся к нему подданных, даже не пытался делать вид, что вникает в суть дела, каждый раз объявляя, что судебное решение и его исполнение возлагает на своих сановников и проч. [Абдурасулов, 2015, с. 32—33].

Таким образом, суд монарха являлся характерной чертой правового развития тюрко-монгольских обществ — от собственно Монголии до западных тюркских государств (включая Османскую империю). Как и любое правовое явление, он пережил периоды становления, расцвета и наконец кризиса и упадка, оставив тем не менее весьма значительный след в истории государственности и права государств Евразийской Степи и оказав влияние на дальнейшее развитие судебной системы современных государств и народов Центральной Азии.

Нельзя сказать, что проблемы ханского правосудия не получили по состоянию на сегодняшний день освещения в исследовательской литературе. Однако, как правило, специалисты ограничиваются исследованием вопросов истории суда и процесса в конкретных тюрко-монгольских государствах¹.

Так, в ряде работ нашли отражение вопросы организации судебной деятельности в Монгольской империи [Вернадский, 1999, с. 132–133; Скрынникова, 2002; Дугарова, 2007; Порсин, 2023; Hodous, 2022]. Более того, имеются специальные исследования, посвященные татарину Шихи-Хутагу — сводному брату Чингис-хана, ставшему одним из первых верховных судей Монгольской империи [Минжин, 2011; Ratchnevsky, 1965].

Более подробно изучены различные аспекты истории развития суда и процесса в отдельных улусах Монгольской империи XIII–XIV вв. В последние годы появился ряд работ, посвященных проблемам организации суда в Золотой Орде (Улусе Джучи) [Почекаев, 2004; Сапронова, Ярошенко, 2018; Шургучиев, 2016; Шургучиев, Лиджиева, 2017; Якушева, Калашникова, 2017]. Кроме того, исследователи уделяют внимание проблемам суда и правосудия в монгольском Иране — государстве Хулагуидов [Lambton, 1988; Hope, 2016b; Vásáry, 2016a]. Ряд работ посвящен суду и судьям в империи Юань [Hodous, 2012/2013; 2017a].

Проблемы ханского правосудия в более поздних государствах, возникших после распада Монгольской империи и ее улусов-наследников, освещены в историографии в меньшей степени. При этом основное внимание уделяется либо вопросам религиозного (преимущественно мусульманского) правосудия или суда на основе обычного права, либо проблеме иностранного влияния на развитие суда и процесса в соответствующих государствах. Таким образом, речь идет уже о процессе упадка ханского правосудия на основе принципов и норм монгольского имперского права, продолжавшего действовать в течение нескольких веков после распада Монгольской империи.

В ряде работ о суде и процессе в Крымском, Бухарском и Хивинском ханствах лишь кратко упоминается о ханской судебной компетенции, тогда как подробно раскрыта деятельность шариятских су-

---

¹ Сразу отметим, что в нижеприведенный обзор мы не включаем публикации, посвященные общей истории отдельных тюрко-монгольских государств, в которых авторы кратко затрагивали вопрос о суде и процессе. Отсылки к ряду таких работ будут даны в рамках анализа конкретных казусов.

дей-кади [Абибуллаева, 2016; Аметка, 2004; Аметка, Хаваджи, 2019; Ваниев, 2022; Лунев, 2004, с. 100–106; Мухитдинов, 2020; Рустемов, 2015; 2016а; 2016б; Сартори, 2022, с. 68–142; Юсупов, 2016; Çiğdem, 2005а; 2005б; 2005с; 2010; 2011]. Лишь отдельные исследования посвящены истории именно ханского суда в Крыму [Krolikowska-Jedlinska, 2015] и Хиве [Абдурасулов, 2013; 2015].

Изучая вопросы суда и процесса в Казахской степи, специалисты уделяют внимание преимущественно правосудию выборных народных судей — биев, действовавших на основе обычного права (см., в частности: [Зиманов, 2008; Мажитова, 2016; Фукс, 2008, с. 466–593]). В некоторых работах рассматривается суд биев в период пребывания казахов в составе Российской империи и, соответственно, русское влияние на этот институт (см., например: [Мартин, 2012, с. 104–131]). К ханскому правосудию в Казахской степи исследователи практически не проявляют интереса — вероятно, в силу отсутствия достаточного количества источников.

Обращаясь к изучению организации суда и процесса в Монголии XVII — начала XX в., специалисты прежде всего исследуют вопрос о постепенном распространении на эти институты влияния законодательства империи Цин, которое выражалось в урезании местных ханов и владетельных князей (дзасаков), а также в усилении контроля за их судебной деятельностью со стороны маньчжурских чиновников. Подобные тенденции исследователи рассматривают как на основе анализа историко-правовых памятников [Heuschert-Laage, 2011; 2012; 2017; Тутаев, 2021б], так и на примерах конкретных судебных дел [Bawden, 1969а; 1969б].

Таким образом, можно констатировать, что история суда и процесса в тюрко-монгольских государствах рубежа XII–XIII — начала XX в. — тема довольно специфическая и не всегда в достаточной степени освещенная в источниках, что и обусловило весьма скромное внимание к ней исследователей. Кроме того, большинство авторов сосредотачивается на изучении системы органов, осуществлявших правосудие, статусе судей и источниках принятия решений, тогда как анализ непосредственно процессуальных действий в исследовательской литературе практически не представлен. Настоящая книга является первой попыткой устранить этот пробел и дать комплексную характеристику развития ханского правосудия, т.е. функционирования судов, основанных на принципах и нормах монгольского имперского права, в которых правосудие осуществлялось либо самими ханами, либо назначенными ими судьями, действовавшими в соответствии с

ханскими предписаниями, причем преимущественно на основе анализа конкретных судебных разбирательств.

Источниковую базу нашего исследования составил широкий круг историко-правовых и в большей степени общеисторических памятников. К первым относятся, в частности, ярлыки ханов Монгольской империи, ее улусов и последующих государств-преемников. До нашего времени дошли отдельные образцы ярлыков, касающиеся организации судебной деятельности в монгольском Иране [Нахчивани, 1976, с. 29–32 араб. паг.; Hammer-Purgstall, 1840, S. 466–468] (см. также: [Мелиоранский, 1900; Хатиби, 1985, с. 103–104; Vásáry, 2016a]). Сохранились документы, связанные с одним длительным судебным процессом в Золотой Орде [Григорьев, Григорьев, 2002, с. 185–217]. Довольно большое число ярлыков Крымского ханства представляет собой судебные решения по искам отдельных групп подданных (см., например: [Фиркович, 1890, с. 63–102]). Сравнительно недавно в научный оборот была введена целая коллекция ярлыков, представляющих собой результаты ханского правосудия в Хивинском ханстве [Sagtori, Abdurasulov, 2020].

Однако гораздо больше сведений о суде и процессе, включая конкретные разбирательства, содержится в нарративных источниках. Среди таковых следует прежде всего назвать памятники монгольской имперской историографии — «Сокровенное сказание» [Козин, 1941]; «История завоевателя мира» [Джувейни, 2004], «Сборник летописей» [Рашид ад-Дин, 1952a; 1952б; 1960], «Юань ши» [Золотая Орда..., 2009; Анналы..., 2019]. Отдельные сообщения о судебных разбирательствах в государствах Чингисидов — наследниках Монгольской империи можно обнаружить также в памятниках, содержащих информацию о Золотой Орде [ПСРЛ; СМАЗО], монгольском Иране [Ахари, 1984; Рашид ад-Дин, 1946; Хафиз Абру, 2011], Чагатайском улусе [Бабур-наме, 1992; Ибн Арабшах, 2007; Йазди, 2008; Фасих, 1980], Крымском ханстве [Абдуземилев, 2018a; 2018б; 2019; Абдулгаффар Кырыми, 2018].

Большой интерес представляют записки путешественников, которые могли быть свидетелями (или даже участниками) судебных разбирательств либо получали информацию о суде и процессе в тюрко-монгольских государствах из первых рук — от непосредственных участников и свидетелей. Сохранились такие документы, относящиеся к Монгольской империи [Книга..., 1997; Плано Карпини, 2022; Рубрук, 1997], Золотой Орде [Хаутала, 2019], Чагатайскому улусу [Клавиho, 1990; Шильтбергер, 1984], Крымскому ханству [Броневский, 1867; Михалон Литвин, 1994; Калашников, 2013; Пейссонель, 2013; Эвлиа

Челеби, 1996; 2008], Джунгарскому ханству [Унковский, 1887], ханствам Средней Азии [Вамбери, 2003; Трионов, 1910]. Значительную ценность представляют труды представителей российской имперской администрации, в которых нашли отражение сведения об упадке ханского правосудия в Казахской степи и ханствах Средней Азии (см., например: [Материалы..., 1940; 1948; История..., 2002]; см. также: [Абдурасулов, 2015]).

Наконец, нельзя обойти вниманием произведения народного творчества, которые отражают оценки и отношение различных слоев общества в тюрко-монгольских государствах к суду и судьям. В качестве примера можно привести многочисленные эпические произведения [Идегей, 1990], сказки [Носов, 2015; Носов, Сэцэнбат, 2020], пословицы и поговорки [Кульганек, 2017; Лупарев, 2014] и т.д.

Сочетание сведений вышеперечисленных источников позволяет создать, полагаем, достаточно объективную картину эволюции ханского права в тюрко-монгольских государствах с учетом особенностей развития в различных регионах и в разные эпохи.

Книга состоит из трех частей, в которых последовательно рассматриваются основные этапы развития ханского правосудия в тюрко-монгольских государствах. Первая часть посвящена становлению суда и процесса на раннем этапе развития Монгольской империи. Во второй части рассматривается период расцвета ханского правосудия и различные формы его проявления. Соответственно, эта часть, как самая объемная, разделена на тематические главы, посвященные различным аспектам истории суда и процесса в тюрко-монгольских государствах. Наконец, в третьей части анализируются примеры и причины упадка (кризиса) ханского правосудия, который оно переживало в разное время в различных странах и регионах Евразии и по разным причинам. В заключении подводятся итоги проведенного исследования: систематизируется информация об основных институтах процессуального права, характерных для системы ханского правосудия в тюрко-монгольских государствах.

Ряд очерков, вошедших в книгу, был опубликован ранее в виде статей в специализированных журналах или представлен на конференциях в форме докладов. Включая их в книгу, я доработал их содержание, приведя в соответствие с общей концепцией исследования, в ряде случаев обновил библиографию по исследуемой тематике.

Завершая введение, считаю своим приятным долгом выразить благодарность тем друзьям и коллегам, без которых написание этой книги было бы невозможным.

Прежде всего хотелось бы сердечно поблагодарить своих дорогих соавторов, в сотрудничестве с которыми написан ряд очерков, — Ю.В. Дробышева (ИВ РАН, Москва), Д.А. Носова (ИВР РАН, Санкт-Петербург), Л.Ф. Абзалова, М.С. Гатина (КФУ, Казань), И.А. Мустакимова (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана).

Выражаю также искреннюю благодарность многочисленным коллегам, которые в процессе написания данной книги консультировали меня, предоставляли мне возможность ознакомиться с источниками и исследованиями и обнародовать промежуточные результаты работы на научных мероприятиях и в виде статей, — А.В. Белякову, А.Д. Васильеву, Д.В. Васильеву, П.И. Гайденко, Д.В. Жигульской, И.В. Зайцеву, А.И. Кобзеву, Н.В. Руденко, Ж.С. Сыздыковой, В.В. Трепавлову (Москва), В.А. Беляеву, Д.В. Волужкову, И.В. Герасимову, А.А. Дорской, К.А. Костромину, И.В. Кульганек, Ю.А. Иоаннесяну, А.В. Майорову, Т.А. Пан, М.С. Пелевину, С.В. Сидоровичу, Т.Д. Скрынниковой, А.В. Сумину, А.Г. Юрченко (Санкт-Петербург), И.К. Загидуллину, И.М. Миргалееву (Казань), Ю.В. Селезневу (Воронеж), Ю.В. Оспенникову (Самара), Д.В. Сеню (Ростов-на-Дону), В.В. Кукановой (Элиста), С.В. Любичанковскому (Оренбург), Д.Н. Маслюженко (Курган), А.А. Васильеву, Ю.А. Лысенко (Барнаул), А.К. Кушкумбаеву, Л.К. Мукатаевой (Астана), Н.А. Атыгаеву, К.З. Ускенбаю (Алма-Ата), Г.Б. Избасаровой (Актобе), З.К. Картовой (Петропавловск), И. Кемальоглу (Стамбул), моим многоуважаемым рецензентам А.В. Ильину и В.А. Воропанову, коллективу Издательского дома Высшей школы экономики — за постоянную поддержку моих проектов и неизменно высокое качество редактирования и издания и, конечно же, моей супруге Ирине и сыновьям Михаилу и Даниилу.

*Санкт-Петербург,
май 2023 г.*

Часть первая
НАЧАЛО ХАНСКОГО
ПРАВОСУДИЯ

Возникновение ханского правосудия в тюрко-монгольском мире, несомненно, следует связывать с государственной деятельностью Чингис-хана, при котором суд и процесс фактически приобрели публично-правовой характер и стали считаться неотъемлемой властной прерогативой самого основателя Монгольской империи, а впоследствии — его потомков и других правопреемников, правивших в тюрко-монгольских государствах, в разных регионах Евразии. В настоящей главе анализируется процесс превращения суда, который вершили вожди тюркских и монгольских кочевых родов и племен на основе обычного права, в суд, чинимый верховным правителем или чиновниками по его поручению на основе вновь созданного имперского права.

§ 1. Расправа Чингис-хана с Сача-бэки как начало эпохи ханского правосудия

Конфликт Чингис-хана с его родственником Сача-бэки, приведший к поражению и казни последнего¹, неоднократно привлекал внимание исследователей — благо, что сведения об этих событиях сохранились в большом количестве источников по ранней истории Монгольской империи. При этом одни авторы анализируют указанные события в контексте политической истории и политической антропологии, другие пытаются на их основе вывести некие личные черты и качества самого Чингис-хана. В настоящем исследовании предпринимается попытка рассмотреть действия Чингис-хана против Сача-бэки как одно из ранних проявлений (а возможно, и самое раннее) ханского правосудия, которое в дальнейшем станет неотъемлемой прерогативой монархов Монгольской империи.

Сача-бэки, глава родового подразделения кият-юркин (кият-джуркин), был старшим родственником (троюродным братом) Тэмуджина [Скрынникова, 2013, с. 77], однако в 1180-е годы принимал участие в возведении его на ханский трон под именем Чингис-хана. Несмотря на формальную поддержку кандидатуры младшего родственника, он всячески подчеркивал свое равенство с ним и не намеревался признавать его верховенство [Акимбеков, 2011, с. 150–151]². Неоднократно он демонстрировал это, идя на обострение отношений с Чингис-ханом. Сначала это была подробно описанная в средневековых источниках ссора на пиру, которая началась из-за «местничества» членов правящего семейства³ и вылилась в драку между сторонниками Чингис-хана и Сача-бэки (при этом последних довольно сильно

---

¹ Исследователи, опираясь на данные разных источников, датируют эти события от 1195 до 1201 г.

² По обоснованному мнению Т.Д. Скрынниковой, до избрания Тэмуджина в ханы именно Сача-бэки считался главным предводителем рода, на что указывает и его титул бэки [Крадин, Скрынникова, 2006, с. 346]. Рашид ад-Дин вложил в уста одного из сторонников Чингис-хана слова о том, что Сача-бэки сам стремился стать ханом [Рашид ад-Дин, 1952а, с. 177].

³ Пристальное внимание к этому пиру во многом объясняется символической ролью таких мероприятий, на которых, во-первых, демонстрировалось единство правящего рода, а во-вторых, происходило распределение должностей и обязанностей — потому и имела принципиальную важность рассадка гостей и

поколотили), затем — отказ от участия в боевых действиях против общих врагов (татар, найманов и проч.) и, наконец, нападение на кочевье Чингис-хана и его разграбление в то время, когда сам хан был в походе. Именно последние действия кият-юркинов вызвали быструю и решительную реакцию Чингис-хана, который, вернувшись из похода, внезапно напал на Сача-бэки, разгромил его, пленил и приказал казнить вместе с братом Тайчу, а все их владения присоединил к собственным.

Обоснованным представляется мнение Л.Н. Гумилева о том, что Сача-бэки, его родичи и подданные, нападая на кочевье Чингис-хана, действовали в соответствии со старинными степными обычаями: так они решили посчитаться за то, что их поколотили во время ссоры на пиру [Гумилев, 1992б, с. 299]⁴. Однако сам Чингис-хан расценил их действия уже в соответствии с новыми, изменившимися условиями и воспринял как преступление, за которое должно было последовать суровое наказание. Именно это его решение и дальнейшие решительные и жестокие действия в отношении Сача-бэки, по нашему мнению, знаменуют начало ханского правосудия в Монгольской империи — суда хана как главы государства, а не как прежнего военного предводителя, действовавшего на основе степного обычного права.

Средневековые авторы неоднозначно трактовали и оценивали действия Чингис-хана в разные периоды. Так, в самом раннем источнике — «Сокровенном сказании», которое принято датировать 1240 г. (как считается, оно создано современниками самого Чингис-хана), расправа с Сача-бэки описывается с известной долей осуждения действий хана, который «знаменитых людей сокрушил», а они были «действительно неукротимые, мужественные и предприимчивые» [Козин, 1941, с. 114—116; Палладий, 1866, с. 67—68; Rachewiltz, 2004, p. 58—59]. Исследователи на основании этой трактовки высказывают мнение, что Чингис-хан в данных событиях проявил жестокость, коварство,

---

очередность поднесения чаш [Крамаровский, 2012, с. 36—43; Скрынникова, 2005, с. 116—117].

⁴ Подобный способ «получения компенсации» за действительные или мнимые обиды путем набега на обидчика и похищения его скота или иного имущества еще в течение многих веков действовал в Великой Степи. Наиболее подробно он освещен в исследованиях по истории казахов, у которых этот обычай носил название «барымта» («баранта») и долгое время считался способом внесудебного урегулирования конфликтов, будучи лишь в XIX в. признан российскими имперскими властями преступлением, влекшим уголовное наказание [Фукс, 2008, с. 420—465; Мартин, 2012, с. 161—178].

зависть к старшим родственникам и намерение избавиться от всех конкурентов на престол [Барфилд, 2009, с. 298; Кычанов, 1995, с. 103; Хартог, 2007, с. 32; Хоанг, 1997, с. 123–124].

Придворный историограф персидских ильханов Рашид ад-Дин на рубеже XIII–XIV вв. интерпретирует события иначе, чем автор «Сокровенного сказания»: по его версии, Чингис-хан до последнего старался «снискать расположение племени юркин», предпринимая попытки примириться с ним и поделить военную добычу, захваченную даже в тех походах, в которых кият-юркины не участвовали⁵. А когда те своим поведением вынудили его на ответные действия, он постарался обосновать их тем, что... действовал в интересах своего союзника Ван-хана — правителя кераитов, с которым вместе ходил в поход против татар, когда Сача-бэки напал на его кочевья [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 93]. Французский исследователь Р. Груссе полагал, что эта ссылка на интересы Ван-хана должна была придать легитимный характер действиям Чингис-хана, которые на самом деле сильно отличались от прежней реакции на подобные степные набеги [Grousset, 2000, p. 204]. Кстати, именно у Рашид ад-Дина впервые появляется сообщение о том, что Чингис-хан совершил против Сача-бэки не один, а два похода: во время первого он только разгромил кият-юркинов, а во время второго (уже вместе с Ван-ханом) настиг, схватил и приказал казнить их вождя [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 110–111].

Аналогичным образом трактуются анализируемые события и в другом образце монгольской «имперской» историографии — династийной истории «Юань ши», составленной в 1369 г.: ее составители упоминают, что Сача-бэки и его сторонники не только совершили все вышеперечисленные действия против Чингис-хана, но и посягнули на его посланцев, убив десятерых, а остальных ограбив и прогнав [Бичурин, 2005, с. 22; Золотая Орда..., 2009, с. 131]⁶. С точки зрения имперского права не только сами такие посланцы были неприкосновенны, но и переданное ими приказание требовало неукоснительного выполнения, так что Сача-бэки в такой интерпретации был виновен

⁵ В связи с этим нельзя не обратить внимание на предположение Р.П. Храпачевского о том, что «терпеливость» Чингис-хана к кият-юркинам после столь откровенных проявлений их враждебности объясняется тем, что хану было необходимо собраться с силами после недавней междоусобицы [Храпачевский, 2005, с. 93–94] (ср.: [Крадин, Скрынникова, 2006, с. 346–347]).

⁶ Аналогичная трактовка имеет место и в поздней маньчжурской версии истории Чингис-хана и его потомков ([История..., 2011, с. 27–28]; см. также: [Howorth, 1876, p. 54]).

в серьезном государственном преступлении. Примечательно, что число жертв, упомянутых в «Юань ши», в принципе соответствует числу пострадавших сторонников Чингис-хана, упомянутому в «Сокровенном сказании», но — при набеге Сача-бэки на его кочевье: автор, писавший в 1240 г., еще не проникся имперской правовой идеологией и для него расправа именно с ханскими посланцами не была таким принципиальным моментом, как для «имперских» историков. Как и Рашид ад-Дин, составители «Юань ши» упоминают о двух походах Чингис-хана против Сача-бэки [Золотая Орда..., 2009, с. 131–132; История..., 2011, с. 28].

Обращаясь к более поздней интерпретации этих событий в монгольских сочинениях, можно выделить среди них два направления. Первое, представленное, в частности, автором первой половины XIX в. Джамбадорджи, в принципе, следует ранее заданной имперской традиции [Джамбадорджи, 2005, с. 79]. Гораздо больший интерес представляют образцы «монгольской буддийской историографии», в которых действия Чингис-хана трактуются и соответственно одобряются даже не столько с имперской, сколько с религиозной точки зрения. В представлении таких авторов он является чакравартином, «перерождением Хормусты-тэнгри», стремившимся установить верховную власть с целью распространения «истинной веры», а те, с кем он сражался, — «плохими, чужими ханами». В их число оказался включен и Сача-бэки [Желтая история, 2017, с. 81, 114; Лубсан Данзан, 1973, с. 245], чье близкое родство с Чингис-ханом по вполне понятным причинам в подобного рода сочинениях не упоминается.

Таким образом, анализ различных источников, по нашему мнению, достаточно последовательно отражает эволюцию взглядов монгольской элиты (к каковой относились и составители исторических сочинений) на действия Чингис-хана в отношении своего родственника: от осуждения излишней жестокости и мести за действия, в общем-то не считавшиеся преступными (в ранних источниках), до полного одобрения действий монарха, стремившегося поддерживать единство и законность в своих владениях. Кроме того, сведения о расправе Чингис-хана с Сача-бэки проливают свет на некоторые особенности судебного процесса в ранней Монгольской империи.

Теперь обратимся к историческим сочинениям как источнику сведений о судебном процессе в ранней Монгольской империи. На первый взгляд никакого суда над Сача-бэки, его братом Тайчу и другими сторонниками не было: хан сначала озвучил перед своими сторонниками причины, по которым намеревался предпринять действия

против кият-юркинов, а затем, схватив их, быстро отдал приказ об умерщвлении. Однако, как представляется, с формально-юридической точки зрения эти сведения можно трактовать несколько иначе.

Во-первых, сам факт «перечисления обид» Чингис-ханом в известной степени можно признать как «обвинительное заключение» против Сача-бэки: монарх объявляет преступными те действия, которые прежде к таковым не относились, и обвиняет кият-юркинов не просто в продолжении практики степных междоусобиц, а в посягательстве на его власть и на порядок государственного управления⁷. Отсюда — столь подробное перечисление всех тех деяний, которые совершили Сача-бэки и его подданные (этот перечень содержат практически все проанализированные источники [Джамбаторджи, 2005, с. 79; Золотая Орда..., 2009, с. 131; Козин, 1941, с. 114; Рашид ад-Дин, 1952б, с. 93]; см. также: [Акимбеков, 2011, с. 157]): «по совокупности дел» они и заслужили быстрого, неотвратимого и сурового наказания. Таким образом, по сути, слова Чингис-хана являются результатом своего рода «заочного разбирательства», завершившегося вынесением «обвинительного заключения», исполнителем наказания по которому он также стал сам.

В связи с этим следует дать формально-юридическое толкование и содержащемуся в имперской историографии сообщению о двух походах Чингис-хана против Сача-бэки. Первый поход, таким образом, являлся наказанием за совершенные преступления против хана и государства. Второй же последовал по той причине, что преступники не образумились, не явились с повинной, а бежали, тем самым усугубив свою вину, за что и заплатились жизнью.

Описание самой расправы с Сача-бэки и его братом Тайчу также представляет интерес с точки зрения монгольского судебного процесса. В «Сокровенном сказании» этот эпизод излагается следующим образом: «После поимки он сказал Сача и Тайчу: “О чем вы согласились прежде?”. В ответ Сача и Тайчу сказали: “Мы не соблюли слова, которые говорили. Теперь поступай с нами в соответствии с ними!”. И соблюдая клятву, вытянули шеи для меча. Заставив их признать их клятву, он казнил их и бросил их тела там и тогда» [Rachewiltz, 2004,

---

⁷ Р.П. Храпачевский считает, что Чингис-хан нашел возможность «в соответствии с традициями отомстить чжурки» [Храпачевский, 2005, с. 96]. Позволим себе с этим не согласиться: в соответствии с традициями хан совершил бы ответный набег, а не стал бы добиваться наказания своих соперников как государственных изменников.

р. 59]. Весьма примечательно, что в данном случае достаточно четко воспроизведена процедура «судебных прений», которая широко использовалась у монголов и в имперскую эпоху, и в более поздние времена. Речь идет о своеобразном состязательном процессе, в ходе которого выдвигались обвинения и обвиняемому давался шанс опровергнуть их собственными показаниями. Таким образом, Чингис-хан не просто приказал казнить схваченных противников, а устроил судебное заседание, предоставив им возможность защищаться. В результате Чингис-хану удалось доказать свои обвинения, а Сача-бэки и Тайчу были вынуждены признать, что действительно нарушили клятву, данную хану при его возведении на трон, и отдаться на его волю. Учитывая серьезность обвинений (вот зачем понадобилось «обвинительное заключение!»), Чингис-хан имел все основания приговорить их к смерти, что он и сделал, одновременно проявив себя в качестве сурового, но справедливого верховного судьи в своем государстве и избавившись от действительно сильного соперника в борьбе за власть.

Тот факт, что Сача-бэки и Тайчу были казнены именно как государственные преступники, подчеркивается упоминанием о форме их казни. Большинство источников лишь информирует о том, что Чингис-хан «покончил с ними», «истребил», «уничтожил их» и т.п.⁸ Однако, на наш взгляд, наиболее ценным является вышеприведенное сообщение «Сокровенного сказания», согласно которому он «бросил их тела там и тогда»: и в дальнейшем в Монгольской империи и ханствах Чингисидов государственных преступников запрещалось хоронить, их тела долгое время лежали (или висели) для всеобщего обозрения.

Проведенный анализ, как представляется, позволяет датировать начало ханского правосудия в тюрко-монгольском мире именно данным делом: впервые хан стал вершить суд не на основе прежних степных обычаев (как старший среди равных родо-племенных предводителей), а как носитель верховной власти, истолковывая действия, направленные против него, как посягательство на государственное управление и нарушение закона⁹. Столь радикальный отход от прежних степных обычно-правовых традиций заставил Чингис-хана при-

---

⁸ М. Хоанг вообще утверждает, что Сача-бэки и Тайчу «обезглавили», хотя таких сведений ни в одном источнике не содержится [Хоанг, 1997, с. 124].

⁹ Т.Д. Скрынникова в принципе связывает возникновение монгольского судопроизводства с деятельностью Чингис-хана в начале XIII в. [Скрынникова, 2002, с. 164]. По мнению С. Акимбекова, это событие стало поворотным моментом и в истории монгольской государственности [Акимбеков, 2011, с. 157–158].

бегнуть к созданию собственной системы правовых норм, нашедших отражение, в частности, в записи вынесенных судебных решений в специальный реестр «Коко Дефтер-бичик» («Синяя роспись»), который должен был служить источником для последующих судей [Козин, 1941, с. 160]. Вместе с тем нельзя не отметить, что некоторые процессуальные действия, осуществлявшиеся в данном случае, имели традиционное происхождение. Так, «перечисление обид» вовсе не было изобретением Чингис-хана: подобные обвинения своим противникам оглашали и его предшественники, и он сам перед походами. Аналогичным образом процедура вопросов и ответов, на основе которых и принималось решение в спорных ситуациях, упоминается не только в сочинениях имперского периода (см., например: [Рашид ад-Дин, 1952а, с. 95–96]), но даже и в монгольском народном фольклоре [Носов, 2015].

Таким образом, Чингис-хан создал прецедент ханского правосудия, отдельные направления подсудности и пределы компетенции которого еще предстояло определить ему самому и его ближайшим преемникам.

§ 2. Судебная практика в государственной политике Чингис-хана¹⁰

Расправа с предводителем рода кият-джуркин Сача-бэки ознаменовала начало эпохи ханского правосудия, т.е. вынесения ханом решений и приговоров на основании его собственной квалификации тех или иных деяний, которые в прежние времена могли восприниматься как реализация степных обычаев, не содержащая признаков противоправности. При этом степень тяжести тех или иных деяний, а также обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность того или иного лица в конкретных условиях, — все это оставалось на усмотрение самого Чингис-хана. В данном параграфе предпринимается попытка проанализировать некоторые ханские решения в связи с приходом к нему на службу отдельных лиц. Наш интерес привлек тот факт, что в зависимости от обстоятельств хан мог оценить одни и те же действия либо как предательство, либо как заслугу. Соответственно, свою цель мы видим в том, чтобы объяснить причины принятия

---

¹⁰ Параграф подготовлен в соавторстве с канд. ист. наук, с.н.с. ИВ РАН Ю.И. Дробышевым.

Чингис-ханом различных судебных решений при сходных объективных обстоятельствах.

В процессе объединения Великой Степи под своей властью Чингис-хан¹¹ неоднократно сталкивался с приходом к нему на службу различных лиц и целых родо-племенных объединений. Порой обстоятельства их появления в лагере будущего основателя Монгольской империи были настолько сомнительны, что ему приходилось принимать хорошо взвешенные решения о том, как отнестись к их поступкам. По сути, это были настоящие судебные решения, представляющие собой правовую квалификацию и оценку действий потенциальных подданных Чингис-хана, и от этих решений во многом зависело отношение к личности и статусу хана со стороны его приверженцев, а равно и других акторов степной политики.

Основным источником для анализа является «Сокровенное сказание монголов», в необходимых случаях также привлекаются другие средневековые исторические сочинения — монгольские, китайские, персидские и проч. Кроме того, мы учитываем мнения исследователей, уделявших внимание оценке тех или иных поступков Чингис-хана и его современников. В рамках анализа нас заинтересовали как содержательные аспекты (включая обоснование Чингис-ханом принятых в отношении этих лиц решений), так и процессуальные, отражающие сам механизм принятия таких решений — приговоров ханского суда.

Первый сюжет связан с приходом некоего Хорчи, который, будучи родственником и, вероятно, вассалом Джамухи, прибыл в лагерь его *анды*-побратима — тогда еще Тэмуджина, объяснив свое желание поступить к нему на службу вещим сном, который предрекал возвышение будущего Чингис-хана [Козин, 1941, с. 107; Палладий, 1866, с. 60–61]. Мнения исследователей по поводу поступка Хорчи разнятся. Так, Л.Н. Гумилев вполне однозначно характеризует его как предательство по отношению к своему родственнику Джамухе и негативно оценивает благорасположение к нему Тэмуджина [Гумилев, 1992б, с. 293]. В.А. Злыгостев считает, что Хорчи имел право сам выбирать себе сюзерена, будучи предводителем собственного рода [Злыгостев, 2018, с. 646]. Последнее мнение представляется достаточно обосно-

---

¹¹ Как известно, Тэмуджин получил титул Чингис-хана лишь на курултае 1206 г., однако мы считаем возможным использовать его и при анализе более ранних событий во избежание путаницы в связи с упоминанием большого количества имен в рамках настоящего исследования.

ванным, поскольку термин «старец», используемый в «Сокровенном сказании» по отношению к Хорчи, несомненно, означает не его возраст¹², а статус старейшины — предводителя рода усун [Rachewiltz, 2004, p. 47].

Решение Тэмуджина принять к себе Хорчи могло диктоваться как минимум двумя соображениями: первое заключалось в том, что тот объективно не совершил предательства по отношению к своему прежнему сюзерену Джамухе, поскольку оставил его не в связи с затруднительным положением либо с поражением и тем более не в условиях вражды Тэмуджина и Джамухи. Второе соображение, несомненно, диктовалось созданием определенного рода прецедента: принятие на службу не просто рядового степняка, а предводителя рода (скорее всего, вместе с его собственными подданными) давало основание и другим степным вождям в дальнейшем надеяться на благорасположение Тэмуджина при сходных обстоятельствах.

Любопытно, что тема верности и предательства оказалась весьма актуальной в связи с последовавшим вскоре избранием Тэмуджина в ханы, о чем он немедленно сообщил своему приемному отцу и покровителю — кераитскому Тогорил-хану (будущему Ван-хану) и побратиму Джамухе. От обоих последовала примерно одинаковая реакция: они пожелали родо-племенным вождям, поддержавшим избрание Тэмуджина, быть верными своему хану [Козин, 1941, с. 111; Палладий, 1866, с. 65]. Однако и в данном случае исследователи склонны по-разному трактовать слова кераитского хана и джаджиратского нойона. Так, Б.Я. Владимирцов оценивает слова Тогорила как проявление его политической недалекости и непонимания опасности со стороны потенциального конкурента за контроль над Степью, а Е.И. Кычанов — как попытку заручиться расположением нового степного вождя в собственных интересах [Владимирцов, 2002, с. 159; Кычанов, 1995, с. 93] (ср.: [Гумилев, 1992б, с. 297]). Что же касается Джамухи, то его слова Р. Груссе склонен толковать как иронию по поводу неожиданного возвышения побратима, а тот же Е.И. Кычанов — как своеобразное предупреждение самому хану Тэмуджину по поводу неблагонадежности его тогдашних приверженцев [Кычанов, 1995, с. 94–95; Груссе, 2000, с. 71]. Как бы то ни было, нас в данном случае интересует тот факт, что не только Чингис-хан, но и другие степные властители

---

¹² На протяжении следующих десятилетий Хорчи ведет себя достаточно активно для человека, который пришел в преклонных летах к будущему Чингис-хану на заре его возвышения.

придавали серьезное значение вопросу о верности своему правителю — причем в данном случае даже не «природному» (каковыми являлись в силу своего происхождения сами Тогорил-хан и Джамуха), а избранному.

И очень скоро Чингис-хану пришлось принимать решение о том, как трактовать переход от одного вождя к другому в связи с приходом к нему на службу Чжурчедая из племени урут и Хуилдара из племен мангут [Козин, 1941, с. 112]. Казалось бы, ситуация была весьма сходна с появлением в лагере Тэмуджина Хорчи, однако на самом деле обстоятельства в данном случае были принципиально иными: эти два нойона со своими подданными покинули Джамуху¹³ в разгар его войны с Чингис-ханом, т.е., объективно говоря, совершили измену, перейдя на сторону противника. Любопытно, что исследователи склонны обвинять в этом поступке не самих Чжурчедая и Хуилдара, а... Джамуху, считая, что нойоны покинули его из-за его жестокости, хитрости и коварства — качеств, которые считались недостойными степного предводителя (см., например: [Гумилев, 1992б, с. 298; Груссе, 2000, с. 73]).

Несмотря на явное предательство по отношению к побратиму, Чингис-хан отнесся к новообретенным вассалам не менее благосклонно, чем прежде к Хорчи. Во-первых, он сильно нуждался в пополнении своих войск после только что понесенного разгрома в битве у Цзеренского ущелья. Во-вторых, как отмечают исследователи, Чжурчедай и Хуилдар явились не с группой родичей (как сделал, вероятно, Хорчи), а во главе довольно многочисленных подданных (см., например: [Гумилев, 1992б, с. 298]), в боевых качествах которых хан только что имел возможность убедиться в ходе битвы. Прогнать нойонов или тем более наказать их за измену (к тому же по отношению к его собственному противнику!) он не то что не посчитал нужным, а просто-напросто не имел реальной возможности, даже если бы и захотел. Наконец, в-третьих, вместе с ними к Чингис-хану явился также и «Хонхотанский Мунлик-эциге, который в это время, оказывается, был с Чжамухой» [Козин, 1941, с. 112]. В отличие от Чжурчедая и Хуилдара, которым Чингис-хан ничем не был обязан прежде, к Мун-

---

¹³ Согласно Рашид ад-Дину, племена урут и мангут были то ли в альянсе с тайджиутами, то ли в подчинении у них [Рашид ад-Дин, 1952а, с. 184]. Однако поскольку тайджиуты в течение длительного времени находились в тесном союзе с Джамухой, как представляется, это сообщение не противоречит ситуации, описанной в «Сокровенном сказании».

лику он должен был испытывать благодарность, поскольку тот был последним из приверженцев его отца Есугая, покинувшим семейство своего предводителя, когда оно, лишившись главы, стремительно теряло авторитет среди своих подданных. Естественно, даже усмотрев в нынешних действиях Мунлика признаки измены по отношению к Джамухе, Чингис-хан не стал бы упрекать его из-за прежних заслуг. Но, приняв Мунлика, он не мог, соответственно, отказать и его спутникам — нойонам племен урутов и мангутов. Более того, он выделил этих предводителей среди своих приверженцев, сделав Хуилдара своим *андой*-побратимом, а Чжурчедая величая «дядюшкой» [Рашид ад-Дин, 1952а, с. 184] (см. также: [Злыгостев, 2018, с. 660, 717]).

Еще одно компромиссное решение, принятое Чингис-ханом, говорящее о проявлении то ли верности, то ли предательства, было связано с приходом к нему на службу человека, впоследствии прославившегося в качестве одного из его крупнейших полководцев, — Джэбэ из племени йесут. Обстоятельства, при которых он явился к Чингис-хану, казалось, однозначно должны были бы склонить последнего к наказанию этого воина. Во-первых, в битве при Койтене именно он ранил, по одним сведениям, любимого коня Чингис-хана, по другим — его самого [Козин, 1941, с. 117, 119–120; Лубсан Данзан, 1973, с. 116]. Во-вторых, он оставил своих «природных» правителей из племени тайджиут, которым его племя йесут служило в течение ряда поколений, причем как раз тогда, когда они находились в затруднительном положении¹⁴.

Что же заставило Чингис-хана простить и принять на службу такого явного врага, причинившего вред ему лично, да еще и столь откровенно предавшего своих прежних господ? Полагаем, что и в

---

¹⁴ По мнению В.А. Злыгостева, Джэбэ не «перебежал по причине изменившейся обстановки», а «по праву старого вассала вернулся на службу к сыну своего прежнего господина, Есугая» [Злыгостев, 2018, с. 262–263]. Однако Рашид ад-Дин вполне однозначно указывает: «Племя тайджиут потеряло свою силу, и Джэбэ долго блуждал одиноко по горам и лесам. Когда он увидел, что от этого нет никакой пользы, [то] по безвыходности [своего положения] и необходимости явился к Чингиз-хану с выражением рабской покорности [ему] и подчинился [ил шуд]» [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 90]. Его действия могли бы быть оправданы после окончательного разгрома тайджиутов, когда все их наследие, включая подчиненные им родо-племенные подразделения, перешло бы к Чингис-хану как к их правопреемнику — на правах победителя и по праву близкого кровного родства с тайджиутами (см. подробнее: [Скрынникова, 2005, с. 122, 124]). Однако, поскольку тайджиуты еще не были разгромлены, а их элита не была уничтожена, вряд ли можно трактовать действия Джэбэ как переход на службу к их «правопреемнику».

данном случае он мог руководствоваться двумя соображениями. Одно было связано с тем, что вместе с Джэбэ к нему пришел еще один подданный («крепостной») тайджиутов, Сорган-Шира, который, как и Мунлик, оказал поддержку Тэмуджину в его юные годы; соответственно, приняв на службу его, хан сделал то же самое и в отношении его спутника. Кроме того, репутация Джэбэ как искусного стрелка также могла склонить Чингис-хана к решению принять его на службу. Однако, чтобы вынести официальное решение при обстоятельствах, сложившихся настолько не в пользу Джэбэ, основателю Монгольской империи пришлось пойти на такой шаг, который сегодня могли бы назвать юридической фикцией.

Чингис-хан публично задал вопрос, кто именно попал в его коня во время битвы при Койтене, на что Джэбэ честно признался, что это был он, и выразил готовность принять наказание за свои действия, но пообещал в дальнейшем честно служить Чингис-хану и возместить причиненный ущерб. На это хан сам произнес целую защитную речь в пользу «подсудимого»: «Подлинный враг всегда таит про себя свое душегубство и свою враждебность. Он придерживает свой язык. Что же сказать об этом вот? Он не только не запирается в своем душегубстве и вражде своей, но еще и сам себя выдает головой. Он достоин быть товарищем. Прозывался он Чжиргоадай, а мы прозовем его Чжебе за то, что он прострелил моего Чжебельгу, моего саврасого, беломордого. Ну, Чжебе, мы еще повоюем пиками-чжебе! Называйся ты теперь Чжебе и будь при мне!» [Козин, 1941, с. 119–120; Лубсан Данзан, 1973, с. 117]. Легко увидеть, что в своем решении он, во-первых, оправдал проступок йесутского воина его раскаянием — честным признанием своей вины. Во-вторых, он дал ему новое имя, тем самым Чжиргоадай, враг Чингис-хана и предатель тайджиутов, *de facto* исчез, и на сцене появился совсем новый субъект правоотношений Джэбэ, чьи прежние деяния были как бы обнулены с получением нового имени¹⁵.

Политика компромиссов с собственными представлениями о верности и предательстве и традиционными степными обычаями, которая проявилась в проанализированных выше случаях, не всегда

---

¹⁵ В связи с этим можно вспомнить другие знаменитые переименования, которых по той же самой причине удостоились от монгольских предводителей главы враждебных государств: последний тангутский император Ли Сянь (1226–1227), получивший от Чингис-хана прозвище Шидургу («Честный»), и чжурчжэньский император Ай-цзун (1224–1234), которого Угэдэй прозвал «Сяосы», т.е. «Прислужник» [Козин, 1941, с. 191, 193].

практиковалась Чингис-ханом. В ряде случаев он имел возможность проявить приверженность ценностям, разделявшимся кочевой знатью Великой Степи, к которой принадлежал и он сам [Бира, 1978, с. 71–72]. Ярким примером демонстрации правосудия в таком контексте стало решение Чингис-хана в отношении Ширгэту-Эбугена и его сыновей Алака и Наяя.

Согласно монгольским источникам, они являлись представителями племени баарин, которое, подобно йесутам, находилось в подчинении у тайджитов. После очередного поражения они схватили своего «природного» господина Таргута-Кирилтуха — многолетнего врага и соперника Чингис-хана, к которому и намеревались его привезти. Однако по пути между отцом и сыновьями разгорелся спор. В «Сокровенном сказании» приводятся слова Наяя, которые можно истолковать как квинтэссенцию средневековых монгольских представлений о вассальной верности: «Если мы приедем с этим захваченным нами Таргутаем-Толстым, то Чингис-хан присудит нас к смертной казни. “Они, — скажет он, — наложили руки на своего природного хана. Какое может быть доверие, — скажет он, — какое может быть доверие к холопам, которые наложили руки на своего природного государя? Такими же верными друзьями будут они и нам! Холопов же, нарушивших верность, холопов, наложивших руки на своего природного хана, только и следует, что укорачивать на голову!” — скажет он. И вы думаете, он не снесет нам головы? Давайте-ка лучше поступим не так. Давайте отпустим отсюда Таргута, поедем и скажем, что мы пришли с тем, чтобы отдать себя целиком на служение Чингис-хану. Что мы схватили, было, Таргута и везли сюда, но видим, что не в силах погубить своего природного государя. И мы отпустили его. Как могли мы предать его на смерть? И вот мы, с полной верой в тебя, пришли отдать свои силы. Вот как давайте мы скажем!» Отец и брат оказались достаточно разумными, чтобы признать его правоту [Козин, 1941, с. 121] (см. также: [Палладий, 1866, с. 74–75; Палладий, 1877, с. 156; Панкратов, 1998, с. 49–51]; ср.: [Рашид ад-Дин, 1952a, с. 187–188])¹⁶.

¹⁶ Судьба Таргута в монгольских источниках остается неизвестной: авторы ограничиваются лишь намеком на то, что он в конце концов погибает в борьбе с Чингис-ханом. Согласно Рашид ад-Дину, он был убит в бою Чилауном, сыном Сорган-Шира [Рашид ад-Дин, 1952b, с. 116]. Эта неопределенность вызывает некоторые сомнения по поводу истинности рассказа «Сокровенного сказания» о том, что Таргута был отпущен своими людьми. Многословие безвестного автора этого произведения в рассмотренном эпизоде оправдания благородного поступка могло быть вызвано финалом как раз прямо противоположным: тайджитского

Соответственно, в данном случае Чингис-хан не должен был поступаться никакими принципами выстраивания социально-политических отношений в Великой Степи, которым он столько раз бросал вызов ранее. Напротив, он получил возможность продемонстрировать кочевой аристократии, что в полной мере разделяет их ценности, не наказав бааринов за то, что они отпустили его врага, и, более того, похвалив, а впоследствии и возвысив Наяя за приверженность тем же ценностям [Козин, 1941, с. 121; Лубсан Данзан, 1973, с. 156].

Вполне можно допустить, что ранее, стремясь всеми доступными ему средствами увеличить число своих приверженцев любого происхождения, Чингис-хан готов был закрывать глаза на нарушение ими системы степных ценностей. Теперь обстановка изменилась: к нему стали являться не отдельные воины или семейства, а целые многочисленные роды и племена во главе со своими потомственными нойонами — ревнителями степных традиций. Чтобы не оттолкнуть их от себя, Чингис-хан просто обязан был своими действиями показывать единство с ними, в том числе на уровне общих ценностей.

В свете его изменившейся позиции довольно противоречивым видится очередной сюжет, связанный с приходом к нему на службу неких Бадая и Кишлика, которые служили Еке-Церену, брату Алтана — еще одного родича Тэмуджина, некогда даже являвшегося его конкурентом в борьбе за ханский титул. Алтан вместе с другими родственниками поначалу поддержал воцарение Чингис-хана, однако позднее откочевал и неоднократно участвовал в военных действиях против него на стороне Джамухи и Ван-хана. Соответственно Алтан и Еке-Церен приняли участие в заговоре Сангума, сына Ван-хана, который замыслил заманить Чингис-хана в западню под предлогом обсуждения женитьбы его старшего сына Джучи на своей дочери Чаур-беки. Еке-Церен, придя домой, рассказал о замысле своей жене, и этот разговор был подслушан Бадаем, а тот передал его Кишлику, вместе с которым решил предупредить Чингис-хана о заговоре, причём для своего бегства они взяли хозяйских коней [Козин, 1941, с. 128–129].

Казалось бы, налицо прямое предательство своего «природного» господина, да еще и кража у него имущества — коней (а известно, как сурово наказывалось у монголов конокрадство!). Однако когда Бадай и Кишлик явились к Чингис-хану, он не только сразу поверил им

хана могли или убить по дороге, или благополучно доставить Тэмуджину и уже там казнить без лишнего шума.

(и принял соответствующие меры в отношении Ван-хана и его союзников), но и впоследствии щедро наградил их за совершенный поступок: оба они стали тарханами, т.е. лицами, обладавшими налоговым и судебным иммунитетом [Козин, 1941, с. 141; Палладий, 1866, с. 85–86; Палладий, 1877, с. 167–169; Лубсан Данзан, 1973, с. 155]. Впоследствии потомки Бадая и Кишлика в Средней Азии (Чагатайском улусе), апеллируя к тому, что их предки были возвышены самим Чингис-ханом, на равных соперничали за власть с потомками Чингис-хана и Амира Тимура (см. об этом подробнее: [Почекаев, 2022б, с. 188–189]).

Столь высокое доверие к словам перебежчиков и столь щедрое поощрение их кажутся до такой степени необъяснимыми, что и средневековые авторы, и современные исследователи стали предлагать самые разные, порой даже фантастические толкования причин подобной реакции Чингис-хана. Так, хотя в «Сокровенном сказании» Бадай и Кишлик прямо именуется табунщиками¹⁷, ряд средневековых авторов склонны повысить их социальный статус. Например, Рашид ад-Дин называет их конюшими, т.е. довольно высокопоставленными чиновниками, отвечавшими за стада, причем на службе не у какого-то Еке-Церена, а у самого Ван-хана [Козин, 1941, с. 134]! В таком случае их измена «природному» господину фактически трансформируется в вышеупомянутое право лиц с определенным статусом самим выбирать себе сюзерена. А некоторые современные авторы вообще считают, что Бадай и Кишлик были осведомителями Чингис-хана в лагере его противников — отсюда и доверие к их информации [Мэн, 2006, с. 114; Хартог, 2007, с. 39].

Однако, как представляется, подобные суждения не имеют оснований. Во-первых, практически во всех источниках сообщается, что Бадай и Кишлик решили уведомить Чингис-хана о заговоре в надежде на получение вознаграждения (которое упомянул в разговоре с женой сам же Еке-Церен). Во-вторых, доверие Чингис-хана к их словам о заговоре, на наш взгляд, объясняется очень просто: несомненно, он ожидал чего-то подобного если не от самого Ван-хана, то уж точно от его сына и информация перебежчиков лишь подтвердила его опасения. Последующее награждение Бадая и Кишлика вновь стало демонстрацией приоритета целесообразности над законностью — точнее, над степными обычаями верности своим хозяевам, которые нигде,

---

¹⁷ Лубсан Данзан называет Бадаю табунщиком, а Кишлика — просто пастухом, что указывает на их разный статус: смотреть за лошадьми было гораздо почетнее, чем за скотом.

впрочем, не были зафиксированы и, следовательно, могли толковаться и применяться по-разному в разных обстоятельствах.

Тем не менее во многих других случаях Чингис-хан по-прежнему продолжал демонстрировать поощрение верности людей своим «природным» господам, причем не только в отношении тех, кто являлся к нему на службу. Например, когда в 1203 г. были окончательно разгромлены кераиты, Ван-хану и его сыну Сангуму удалось скрыться благодаря своему приверженцу Хадак-багатуру, который отважно прикрывал их отход. Захватив его в плен, Чингис-хан не только похвалил его за преданность своим врагам, но и простил убийство в бою собственного побратима Хуилдара, всего лишь подчинив семейству последнего Хадак-багатура вместе с его воинами [Козин, 1941, с. 140; Палладий, 1866, с. 97–98] (см. также: [Груссе, 2000, с. 112; Злыгостев, 2018, с. 621]).

И напротив, когда слуга предавал своего господина, это было основанием для его сурового наказания, что и проявилось в отношении некоего Кокочу, который бросил на произвол судьбы того же Сангума, при котором был конюшим. Согласно «Сокровенному сказанию», он хотел не просто оставить Сангума в бедственном положении, но еще и ограбить его, захватив золотую чашу, принадлежавшую сыну хана кераитов. Лишь после увещеваний собственной жены Кокочу бросил чашу, но сам ускакал на хозяйском мерине. Явившись к Чингис-хану, он в подробностях рассказал о своих деяниях, рассчитывая на вознаграждение. Однако хан приказал наградить его жену, тогда как самого Кокочу — зарубить, обосновав свое решение следующими словами: «Этот самый конюх Кокочу явился ко мне, предав так, как он рассказывал, своего природного хана! Кто же теперь может верить его преданности?» [Козин, 1941, с. 141] (ср.: [Палладий, 1866, с. 99–100]; см. также: [Груссе, 2000, с. 116; Злыгостев, 2018, с. 331]). Остается только удивляться наивности Кокочу, решившегося явиться к Чингис-хану в надежде получить награду за неверность своему «природному» господину. Полагаем, однако, что конюшего могла сбить с толку вышеупомянутая непоследовательность решений Чингис-хана, который, как мы уже отмечали, в одних случаях мог счесть эту неверность преступлением, а в других — чуть ли не подвигом.

Наверное, едва ли не самым триумфальным событием в судебной практике Чингис-хана стало дело Джамухи и его нукеров, которые схватили и доставили своего хозяина в ставку монгольского властителя как раз в тот период, когда тот готовился стать ханом всех кочевников Центральной Азии. Поимка главного недруга в столь зна-

чимый момент, казалось, должна была расположить Чингис-хана к неверным подданным его бывшего побратима. Однако и на этот раз хан продемонстрировал приверженность традиционным ценностям кочевой знати, среди которой верность «природному» господину ценилась выше, чем учет сиюминутной политической ситуации.

Согласно «Сокровенному сказанию», Джамуха, доставленный нукерами к своему *анде*, прямо заявил ему: «Черные вороны вздумали поймать селезня. Рабы-холопы вздумали поднять руку на своего хана. У хана, анды моего, что за это дают? Серые мышеловки вздумали поймать курчавую утку. Рабы-домочадцы на своего природного господина вздумали восстать, осилить, схватить. У хана, анды моего, что за это дают?» На что Чингис-хан вполне предсказуемо ответил: «Мыслимо ли оставить в живых тех людей, которые подняли руку на своего природного хана? И кому нужна дружба подобных людей?» И тут же, в присутствии Джамухи, приказал казнить «посягнувших на него аратов» [Козин, 1941, с. 155] (см. также: [Палладий, 1866, с. 112]; ср.: [Мэн, 2006, с. 119–120]).

Здесь мы считаем целесообразным обратиться к вопросу, который до сих пор не получил освещения в нашем исследовании, — процессуальной стороне принятия Чингис-ханом его решений. Как можно заметить, в большинстве случаев источники ничего не сообщают о процедуре разбирательства дел основателем Монгольской империи. По сути, все оно сводится к изложению обстоятельств дела самими же лицами, явившимися к Чингис-хану, коим он предлагает высказать причины, по которым он должен простить их и принять на службу, после чего тут же выносит свое решение, либо признавая их правоту, либо толкуя сказанное ими как признание вины. Лишь в отдельных случаях помимо самого «подсудимого» хан заслушивал также показания свидетелей — например, жены упомянутого Кокочу. Надо сказать, что такая процедура разбирательства судебных дел, видимо, действительно была характерна для средневековых монголов, поскольку нашла отражение даже в ряде сказочных сюжетов [Носов, 2015, с. 9–10; Носов, Сэцэнбат, 2020, с. 80–81]. Вместе с тем эту простоту судебного процесса можно объяснить еще и тем, что он проходил в условиях непрекращающегося противостояния Чингис-хана с его соперниками, т.е. «по законам военного времени».

Однако в случае с Джамухой мы наблюдаем некоторый отход от этой упрощенной процедуры судебного разбирательства. Согласно «Сокровенному сказанию», вначале Чингис-хан заслушивает Джамуху и его нукеров и тут же, в присутствии «потерпевшего», выносит

приговор в отношении последних. Однако дальнейшие события выглядят довольно загадочно: принимая решение в отношении самого Джамухи, хан не ведет диалога непосредственно с ним, а говорит своим приближенным: «Передайте вы Чжамухе...» — после чего тот в свою очередь передает ответ Чингис-хану, который, наконец, выносит ему смертный приговор, так же приказывая своим приближенным огласить его «подсудимому» [Козин, 1941, с. 155–158].

Это противоречие снимается после обращения к сведениям Рашид ад-Дина, которые, по мнению исследователей, гораздо объективнее отражают события, связанные с Джамухой и его спутниками, чем «назидательный» сюжет «Сокровенного сказания» [Кычанов, 1995, с. 131]. По версии персидского историка, Чингис-хан не соизволил вообще лично встречаться с Джамухой и слова бывшего побратима о неверных нукерах были ему переданы через приближенных. Кроме того, Рашид ад-Дин упоминает, что нукеров было не пятеро, как в монгольской хронике, а около тридцати; наконец, вместе с Джамухой было пленено еще и несколько его родичей, которые потом были освобождены и пощажены, тогда как всех нукеров казнили [Рашид ад-Дин, 1952a, с. 191]¹⁸. Данное сообщение позволяет сделать вывод, что в условиях стабилизации обстановки в степи и приобретения Чингис-ханом более высокого статуса, чем прежде, он решил несколько изменить (и усложнить) процедуру судебного разбирательства, в том числе и путем «заочного» разбирательства отдельных категорий дел¹⁹.

Таким образом, для Чингис-хана, по-видимому, имел значение не просто факт измены, а конкретные обстоятельства — тот самый контекст, который нам чаще всего неизвестен. Исследователям редко удается получить исчерпывающую информацию об истинной подоплеке того или иного события, произошедшего даже совсем недавно; что же говорить о том, что случилось сотни лет назад и притом в совершенно другой культурной среде! Как правило, дошедшие до наших дней источники отражают позицию сторонников Чингис-хана, и го-

---

¹⁸ Согласно персидскому историку, Чингис-хан так и не принял решения о казни Джамухи, передав его на волю своего племянника Эльджигитая, который и умертвил его несколько дней спустя [Рашид ад-Дин, 1952a, с. 191–192].

¹⁹ Подобная же процедура описана, в частности, в житии Михаила Черниговского, казненного в Золотой Орде в 1246 г.: Бату, правитель Улуса Джучи, не общается с ним напрямую, а получает его показания и объявляет собственную волю через своего «стольника Елдегу», т.е. сановника Элдегая (см. об этом подробнее: [Почekaев, 2022a, с. 174–175]).

ворить об их объективности не приходится. Поэтому реконструкция его действий, как и деяний остальных героев великой степной драмы XIII—XIV вв., весьма гипотетична.

Можно ли нащупать какую-либо систему в оценке Чингис-ханом тех людей, которые являлись к нему с выражением покорности, предав своих прежних господ? Для этого в первую очередь следует прояснить вопрос с понятием верности применительно к кочевому обществу рассматриваемого периода. В свое время Б.Я. Владимирцов отметил, что средневековые монголы до их консолидации под властью Чингис-хана могли свободно менять своих ханов, это было в порядке вещей [Владимирцов, 1934, с. 83, 87–90, 93]. Собственно, наши источники единодушны в том, что такая смена больно отозвалась на семье самого Тэмуджина после смерти его отца, когда люди Есугая покинули его вдову Оэлун с малолетними детьми. Есть основания полагать, что его суровость к предателям проистекает именно отсюда, а не из неписаных правил степного вассалитета²⁰.

По-видимому, Чингис карал жестокой смертью пришедших к нему ближайших людей, слуг (*unagan bogol*), от которых зависела личная безопасность преданного ими лица, и не придавал большого значения тем перебежчикам, верность или неверность которых не была критической для их бывшего хозяина. При этом, очевидно, нельзя было придумать проступка тяжелее, чем доставить своего господина связанным на расправу к его врагу, в данном случае к Чингис-хану.

Однако и он, чтобы выжить и добиться своих целей, был вынужден подчиняться жесткому диктату *Realpolitik*, чем, по-видимому, и объясняется его амбивалентное отношение к предателям: одних он был обязан обласкать, а другим — устроить «показательную порку». Затем рассказы об этих инцидентах попали в анналы истории, и можно не сомневаться, что каждый такой рассказ появился в «Сокровенном сказании» далеко не случайно, при этом чем более пространно описывается тот или иной эпизод с обстоятельствами казни либо сердечного принятия на свою службу очередного ренегата, тем значимее была данная фигура в степной политике тех лет.

---

²⁰ О них мы можем в какой-то мере судить по высказываниям древнетюркских каганов, запечатленных руническим письмом на стелах. Для кочевых вождей не было более опасного врага, чем свой собственный народ, способный легко перевернуться к новому лидеру, в котором становились заметны признаки небесного благоволения (*тюрк.* кут), именуемого современными исследователями харизмой (см., например: [Кляшторный, Султанов, 2009, с. 61–63 и след.]).

Представляется, что рассказы об этом служили вполне определенной назидательной цели: они должны были продемонстрировать на примере чужих слуг, какая страшная судьба ждет тех, кто рискнет изменить самому Чингис-хану. Но умолчать о радушном принятии некоторых беглецов из вражеского стана тоже вряд ли было возможно — все-таки о подобных поступках быстро узнавала вся Степь. В «Сокровенном сказании» всем этим событиям надо было придать «оправдательное» либо «обвинительное» оформление, чтобы запечатлеть их как своего рода образцовые модели правильного и неправильного иерархического поведения в назидание потомкам. Возможно, по этим моделям в дальнейшем оценивались поступки тех, кто приходил на службу к монгольским ханам, либо принятые решения объявлялись со ссылкой на них (точнее, на Ясу Чингис-хана; но, как представляется, вместо кодекса законов, реальное существование которого до сих пор никем убедительно не доказано, здесь подразумевался его личный пример).

Все сказанное выше относится к тюрко-монгольским кочевникам: для каждого из них эталоном «настоящего» человека был такой же кочевник, как и он сам, а в отношении себе подобных действовали законы «своего», «внутреннего» мира, в отличие от «чужого», «внешнего» мира оседлых земледельцев, поступки которых оценивались по иным критериям. Поэтому ситуация закономерно становится гораздо определеннее, когда к Чингис-хану начинают приходиться на поклон изменники из стана его оседлых соседей: киданей, чжурчжэней, тангутов, китайцев. Нам неизвестно ни одного случая, чтобы кого-либо из них сразу же казнили за предательство. Напротив, они даже имели неплохие шансы попасть в ближний круг великого монгола, как, например, братья Елюй Ахай и Елюй Тухуа — выходцы из киданьской императорской фамилии, занимавшие высокое положение в Цзинь. Принимая во внимание старую вражду между монголами и чжурчжэнями, эти двое оказались для Тэмуджина большим подарком судьбы. Разумеется, он не мог осуждать их поступок явно, даже если не одобрял такое поведение внутренне. И чем более расширялись рубежи растущей Монгольской империи, тем большее количество вождей и полководцев разных рангов переходило на сторону Чингиса. Как правило, их оставляли во главе их воинских подразделений и без промедления отправляли в бой²¹. В противном случае, даже при всем своем

---

²¹ Этот вопрос подробно рассмотрел еще И. де Рахевильц [Rachewiltz, 1966]. Один из примеров принятия Чингис-ханом цзиньского перебежчика описан Палладием [Палладий, 1877, с. 183–184].

военном мастерстве, сломить сопротивление чжурчжэней, а равно и прочих сильных врагов монголам едва ли удалось бы. Рискнем предположить, что все эти люди были в глазах Чингис-хана и его соплеменников чем-то ущербным, не соответствовавшим степным стандартам истинного мужа-воина, почему и судить их строго за измену своим прежним господам не имело смысла. Вместо этого был резон с их помощью расчищать себе путь к победе — в чем-то подобно тому, как это испокон веков делали в Поднебесной, «руками варваров подавляя варваров». Наверное, если такой человек погибал потом в схватке, монгольскому хану оставалось лишь заключить, что судьбу изменника решило само Вечное Небо. Однако если в плен сдавался военачальник, вышедший из кочевой среды, его поступок оценивался по степным стандартам и вместо награды его могла ожидать казнь, как это произошло, например, с тюркским Карача-ханом, который состоял на службе у хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада (1200–1220), одного из серьезнейших противников монголов в эпоху формирования их евразийской империи.

Рашид ад-Дин сообщает, что когда во время осады Отрара к сыновьям Чингис-хана Чагатаю и Угедю явился Карача-хан, бежавший из города, который он должен был защищать, те предали его казни. При этом их слова поразительно напоминают по смыслу некоторые вышеприведенные речи Чингис-хана: «Ты не соблюл верности в отношении своего властелина, несмотря на такое количество предшествующих случаев, [дающих] ему право [на твою] благодарность, у нас [поэтому] не может быть стремления к единодушию с тобой» [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 198–199]. Следовательно, мы можем предполагать, что принципы награждения за верность и наказания за предательство, заложенные Чингис-ханом, находят отражение и в судебной практике его потомков, причем в некоторых случаях исследователи склонны усматривать в решениях Чингисидов прямые параллели с аналогичными действиями самого основателя Монгольской империи.

Целый ряд арабских историков, сообщая о конце знаменитого золотоордынского временщика Ногая в 1299/1300 г., приводят подробности, связанные с судьбой убившего его «русского тысячника». Явившись с головой Ногая к хану Токте (1291–1312) за наградой, он подтвердил, что знал, кого убивает. За это хан приговорил его к смерти, обосновав свой приговор следующими словами: «По закону ему (следует) смерть, дабы подобные ему не осмеливались убивать таких людей, как этот великий человек» [Тизенгаузен, 1884, с. 122–123] (ср.: [Там же, с. 113–114]). Н.И. Веселовский при анализе этого сообщения

проводит прямые параллели с сюжетами из «Сокровенного сказания» о вознаграждении Наяя и казни нукеров Джамухи [Веселовский, 2010, с. 182–183]. Само описание процедуры разбирательства (как обмена вопросами и ответами между ханом-судьей и провинившимся воином), как представляется, позволяет думать, что принципы судебного разбирательства и наказаний за преступления, заложенные Чингис-ханом на заре его политической деятельности, оставались актуальными для его потомков даже тогда, когда о единстве Монгольской империи уже говорить не приходилось. Между тем, хотя убийца Ногая и был виноват в том, что фактически совершил самосуд, да еще осмелился отрубить Чингисиду голову (вопиющее нарушение монгольской традиции, согласно которой представителей «золотого рода» и вообще лиц благородного происхождения полагалось умерщвлять «без пролития крови»), он не являлся подчиненным Ногая и, следовательно, не был предателем. Тем не менее этот случай показателен в другом отношении: он наглядно демонстрирует императив социальной иерархии, который также попрали русский воин, подняв руку на человека, стоявшего гораздо выше его.

Возможно, здесь будет уместна аналогия с расправой над останками вышеупомянутого хорезмшаха Мухаммада. Это событие проливает свет на особую черту средневековой ментальности: враг только тогда считается ликвидированным полностью и бесповоротно, когда уничтожены его кости, но сделать это может не кто угодно. Мухаммад не был убит в бою или казнен, будучи пленником, — он скончался на пустынном островке в Каспийском море, укрывшись там от преследовавших его по пятам монголов. Секретарь его сына Джалал ад-Дина Манкбурны, последнего представителя династии Хорезма, так описывает это событие: «Великий султан (Ала ад-Дин Мухаммад) был похоронен на острове, как мы выше упомянули в рассказе о его смерти, возвратив [Аллаху] жизнь, данную ему на срок. Султану, когда он был занят осадой Хилата, пришлось на ум построить в память отца Мадрасу в Исфахане и перенести туда с острова его гроб (табут). Он направил в Исфахан Мукарраб ад-Дина — старшего конюшего, который был ранее постельничим. Это был тот, кто омывал Великого султана. [Ему было приказано] построить в Исфахане мадрасу с куполом над могилой, со всеми другими необходимыми помещениями, такими, как отделение для одежды, отделение для постели, отделение для омовений, отделение для обуви и так далее. Султан послал с ним тридцать тысяч динаров для начала строительства. Он предупредил вазира Ирака, чтобы тот выдавал из поступлений дивана средства, необходимые для

окончания строительства, и чтобы утварь была изготовлена из золота: и подсвечники, и тазы, и кувшины, — и чтобы у дверей стоял конный караул с бунчуком и украшенной амуницией. Ал-Мукарраб направился в Исфахан и приступил к строительству. Я прибыл через четыре месяца и увидел, что стены уже поднялись в рост человека. Султан написал своей тетке по отцу Шах-хатун — правительнице Сарийи, одного из округов Мазандарана, ее отец Текиш выдал ее замуж за малика Мазандарана Ардашира ибн ал-Хасана, а тот умер, — чтобы она сама и вместе с ней малики, эмиры и вазирьы Мазандарана отправились на остров и перевезли гроб с острова в крепость Ардахн. Она была самой неприступной крепостью на земле, и останки должны были оставаться там, пока не будет закончено строительство мадрасы в Исфахане, а затем перевезены туда. И клянусь жизнью, что я писал эти грамоты неохотно и считал их мнение неразумным. Я поведал ал-Мукаррабу некоторые свои мысли и открыл ему кое-какие тайны: ведь я знал, что его труп — да прохладит его Аллах освежающим ветром — не был сожжен татарами только потому, что к нему трудно было добраться. Они уже сожгли кости всех погребенных султанов, в какой бы земле они ни находились, так как они считали, что все эти султаны [имеют] общего предка и одного рода. Даже кости Йамин ад-Даулы Махмуда ибн Себюк-Тегина — да помилует его Аллах — были извлечены из его могилы в Газне и сожжены. Однако то, что я сказал, не понравилось Мукарраб ад-Дину, и поэтому я прекратил разговор. А дело было впоследствии именно так, как я предполагал: татары, покончив с султаном [Джалал ад-Дином] на границах Амида, о чем мы еще расскажем, осадили упомянутую крепость (Ардахн), захватили останки [султана Мухаммада] и отправили к ал-хакану, а тот сжег их» [ан-Насави, 1996, с. 233–234].

Трудно сказать, действительно ли останки злосчастливого хорезмшаха были отвезены в Монголию, где хаган Угедэй (1229–1241) совершил ритуал их сожжения (а в том, что это был именно особый ритуал, сомневаться не приходится). К сожалению, нам не удалось найти ни одного подтверждения этой истории, но вполне допустимо полагать, что ан-Насави верно изложил общий принцип, согласно которому эффективная нейтрализация духовной силы, заключенной как в живом человеке, так и в его костях, была доступна лишь человеку, обладающему не меньшей силой (см. об этом подробно: [Дробышев, 2005, с. 128–130]). Поэтому посмертная расправа ожидала Мухаммада в Каракоруме, где тогда находился Угедэй, а не в Ардахне, где, казалось бы, осуществить ее не составило бы труда и рядовому мон-

гольскому воину. Хорезмшах и хаган, как великие правители, были достойны друг друга, ввиду чего история, поведенная ан-Насави, представляется нам основанной на реальных событиях, и она косвенно подтверждает правило, озвученное ханом Токтой: простолюдины не имеют права лишать жизни высокопоставленных людей. Можно сформулировать его более широко: низшие не могут судить высших.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что Чингис-хан в своей судебной деятельности далеко не всегда руководствовался едиными принципами и нормами при рассмотрении сходных дел. В значительной степени его решения зависели от обстоятельств, а также и от его собственного усмотрения (в том числе на основе личного отношения к тем или иным участникам разбирательства), которое тоже можно рассматривать как источник принятия ханом судебных решений. Тем не менее не вызывает сомнений, что именно в период возвышения Чингис-хана и его борьбы за власть в Великой Степи начала формироваться та самая система ханского правосудия, которая обусловила статус будущих ханов-Чингисидов как верховных судей в Монгольской империи и ее улусах и легла в основу монгольского имперского суда — *яргу*, получившего широкое распространение во всех чингисидских государствах XIII–XIV вв., система, одним из определяющих правовых источников для которой являлось как раз собственное усмотрение ханов.

§ 3. Джучи и защитники Хорезма: жестокость или правосудие?

До сравнительно недавнего времени в историографии было распространено объективное утверждение, что личность и деятельность Джучи, старшего сына Чингис-хана и основателя государства, получившего в истории название «Золотая Орда», не привлекали внимания исследователей. В последние годы ситуация значительно изменилась: работы, посвященные этому государственному деятелю и правителю, стали появляться, причем в довольно значительном количестве. Однако в большинстве таких публикаций историков преимущественно интересуют лишь отдельные аспекты биографии Джучи: сомнительные обстоятельства его появления на свет, проблемы в отношениях с отцом и братьями, участие в военных кампаниях Чингис-хана в Китае и Средней Азии, загадочные и противоречивые версии смерти. Лишь отдельные работы представляют собой попыт-

ки охарактеризовать Джучи именно как правителя обширного улуса, впоследствии превратившегося в одно из могущественнейших государств Евразии. Так, И. Тоган рассмотрела осаду Хорезма, принимая во внимание статус Джучи как потенциального обладателя Хорезма, правда, в большей степени сосредоточившись на историкокультурных аспектах [Тоган, 2001]. Р.Д. Темиргалиев в статье с многообещающим названием «Джучи-хан — правитель Дешт-и Кипчака» представил, по сути, общий биографический очерк о старшем сыне Чингис-хана, уделив внимание его военной деятельности, констатировав, что его преждевременная смерть не позволила ему «развернуть полноценную деятельность в качестве правителя Дешт-и Кипчака и Хорезма» [Темиргалиев, 2016, с. 146].

Представляется, что имеющиеся в распоряжении исследователей источники позволяют выявить определенные черты Джучи именно как государственного деятеля и правителя, охарактеризовать те или иные механизмы власти и управления, которые он практиковал, встав во главе своего улуса. В данном параграфе предпринята попытка оценить основателя Улуса Джучи как вершителя правосудия над своими подданными. А поскольку его жизнь сложилась так, что большую ее часть он провел в военных походах (результатом которых и стало формирование его улуса), неудивительно, что большинство примеров его правосудия имело место во время боевых действий, что, безусловно, не могло не сказаться на форме суда и принимаемых им решениях «по законам военного времени».

Начало военной и государственной деятельности Джучи относится к 1207–1208 гг., когда Чингис-хан, вскоре после провозглашения Монгольской империи, поставил его во главе войска, отправленного в поход на «лесные народы». Именно во время этого похода Джучи впервые применил тот механизм взаимодействия с потенциальными подданными, который старался задействовать в дальнейшем при первых контактах с собственными потенциальными подданными на рубеже 1210–1220-х годов: вместо традиционной для других полководцев «демонстрации силы» он предпочел вступить в переговоры и убедить противника мирным путем признать власть Чингис-хана. В результате без сражений и воинских потерь он привлек на свою сторону ойратов, киргизов и «лесные народы». Его действия имели огромное значение для только что созданного государства, поскольку под власть Чингис-хана впервые перешли народы за пределами собственно Монголии [Ускенбай, 2013, с. 47–48]. Неудивительно, что отец похвалил начинающего полководца и государственного деятеля,

который «воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми лесные народы» и пожаловал их в подданство [Козин, 1941, с. 174–175; Лубсан Данзан, 1973, с. 183–184]. Собственно, именно с этого времени в современной историографии и принято вести отсчет истории Улуса Джучи, по крайней мере его начального этапа [Бартольд, 1963, с. 459; Кушкumbaев, 2019].

Полагаем, что этот эпизод имел большое значение для последующей деятельности Джучи: удостоившись похвалы отца, он считал, что подобный подход в отношениях с неприятелем станет наиболее эффективным и может способствовать тому, чтобы путем убеждения превратить врага в союзника и подданного. Однако последующие события стали складываться так, что старший сын Чингис-хана постоянно был вынужден отказываться от этой линии поведения и выбирать между желанием прослыть справедливым правителем и необходимостью демонстрировать суровость завоевателя. Особенно ярко это проявилось во время боевых действий в Средней Азии, которые являются эпизодом его биографии, пожалуй, наиболее подробно освещенным в средневековых источниках. Начало боевых действий, связанное с окончательным разгромом племени меркитов и первым столкновением с войсками хорезмшаха Мухаммада II в 1216 г. (по другим данным — в 1218-м), уже впервые поставило Джучи перед таким выбором.

Так, когда после разгрома меркитов в плен к нему попал Култукан-мерген, сын меркитского предводителя Токто-бэки, старший сын Чингис-хана, восхищенный мастерством его стрельбы из лука, обратился к отцу с просьбой сохранить ему жизнь. Полагаем, что Джучи двигало не только восхищение: оставив в живых и взяв на службу сына меркитского вождя, он мог бы с помощью этого акта великодушия привлечь на свою сторону его соплеменников, оставшихся в живых. Однако Чингис-хан отказал сыну, проявив, с одной стороны, следование собственным законам (убийство врага, оказавшего отчаянное сопротивление, даже если потом он был взят в плен), с другой — иррациональную мстительность по отношению к давним врагам — меркитам, которых страстно желал полностью уничтожить [Рашид ад-Дин, 1952а, с. 116; Рашид ад-Дин, 1952б, с. 178].

Вторая неудачная попытка закончить дело миром (хотя и без намерения заставить противника подчиниться власти Чингис-хана) имела место перед битвой с хорезмшахом Мухаммадом: Джучи, стремясь не доводить дело до сражения, отправил к нему послов с сообщением, что не имеет приказа воевать с ним, и даже предложил поделиться

добычей, доставшейся ему после разгрома меркитов. Однако, как известно, хорезмшах не отреагировал на его мирные инициативы и сам начал битву [ан-Насави, 1996, с. 48–49; Тимохин, 2016, с. 46–47]²².

Подобные ситуации неоднократно возникали в ходе последовавшей вскоре войны Чингис-хана с хорезмшахом Мухаммадом: на все мирные инициативы Джучи население Средней Азии в большинстве случаев реагировало негативно. Считаем целесообразным отметить, что переговоры с потенциальным противником в рамках этой кампании (как и последующих) не были свойственны только Джучи: сам Чингис-хан, его другие сыновья и внуки, а также полководцы направляли послов к противникам перед сражением. Вместе с тем следует принять во внимание, что такие переговоры нередко являлись военной хитростью и преследовали цель либо усыпить бдительность врагов перед битвой, либо рассорить их между собой и затем разгромить поодиночке. Джучи же в своих мирных инициативах был искренен — и даже не в силу своего врожденного миролюбия (о котором мы еще поговорим ниже), а потому что Чингис-хан пообещал ему во владение Хорезм и он стремился причинить как можно меньше ущерба собственным будущим владениям.

Однако в силу разных причин попытки Джучи окончить дело миром завершались ничем. Так, когда он приблизился к городу Сыгнаку и направил туда местного уроженца Хасан-хаджи (или Хусейн-хаджи) в качестве парламентаря, предложив населению сдаться и тем самым сохранить город и жизни его жителей, они не только отказались, но и убили парламентаря. В результате город был взят штурмом, а все его население перебито: по словам персидского историка Рашид ад-Дина, воины Джучи, «заперев ворота прощения и снисходительности... убили всех, мстя за одного человека» [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 199] (см. также: [Джувеини, 2004, с. 58]). Так, Джучи пришлось истребить немалое число своих же потенциальных подданных, поскольку, согласно имперскому законодательству, убийство послов должно было быть сурово наказано. Кроме того, и отчаянное сопротивление жителей Сыгнака, приведшее к многочисленным потерям среди его воинов, не оставляло старшему сыну Чингис-хана выбора в принятии решения о судьбе населения города.

---

²² Любопытно отметить, что Абу-л-Гази, хивинский хан-историк XVII в. (сам являвшийся потомком Джучи), по какой-то причине считал, что Джучи стремился к битве и даже проигнорировал мнение своих «князей», т.е. военачальников, якобы настаивавших на переговорах с хорезмшахом [Абуль-Гази, 1996, с. 62].

Зато переговоры с другим городом, Джендом, казалось, дали ему шанс вновь использовать дипломатический метод вместо военной силы. Как и в Сыгнак, в Дженд был послан парламентар — Чин-Тимур из племени онгутов, который стал призывать местное население «воздержаться от военных действий» и в конечном счете признать власть монголов. Однако и местные жители негативно отреагировали на инициативу Джучи, едва не прикончив его посланца. Но Чин-Тимур, напомнив им о судьбе Сыгнака, сумел покинуть город невредимым. Тем не менее отказ жителей Дженда подчиниться заставил Джучи отступить от намерения дать своим войскам отдых и повернуть их к городу. По мере приближения его войск жители заперли ворота и приготовились к осаде. Однако когда войска первенца Чингис-хана пошли на штурм, они беспрепятственно поднялись на стены и овладели городом, причем «с обеих сторон ни одному живому существу не было нанесено вреда ударами меча». Именно это обстоятельство и позволило Джучи проявить в данном случае великодушие, приказав казнить «лишь несколько человек главарей, дерзко разговаривавших с Чин-Тимуром»; тем не менее последующая судьба самого города вызывает некоторое удивление: удерживая жителей, которым сохранили жизнь, сам Дженд «предали потоку и разграблению» [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 200] (см. также: [Джувейни, 2004, с 59]).

Почему Джучи поступил так с городом, который должен был бы войти в его владения и жители которого, казалось, не проявили явной враждебности? Полагаем, что, во-первых, жители не открыли ворота по требованию своего будущего правителя. Во-вторых, Чингис-хан, отправляя своих сыновей Чагатая и Угедэя на осаду Ургенча (столицы хорезмшаха Мухаммада), приказал первенцу привести к ним подкрепление из Дженда в качестве хашара, т.е. «живого щита» из пленников, который прикрывал бы осаждавших во время штурма [Джувейни, 2004, с. 84]. Соответственно, разрушение города давало дополнительную уверенность в том, что пленники не сбегут домой.

Но если при принятии решения о судьбе жителей Сыгнака Джучи вряд ли колебался, то в ситуации с Джендом он уже мог усомниться в эффективности политики Чингис-хана по отношению к будущим подданным и даже осудить ее — о чем впоследствии упоминали средневековые авторы. Однако, будучи сыном и полководцем основателя Монгольской империи, он был обязан подчиниться ему. Вместе с тем даже после суровой расправы с покоренными городами Джучи сумел продемонстрировать намерение найти общий язык с местным населением: в частности, наместником Сыгнака был назначен сын убитого

Хасана-хаджи, а Дженда — бухарец Али-ходжа [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 199, 200], т.е. представители местного населения, а не выходцы из монгольских степей (правда, наместником Хорезма и впоследствии джучидских владений на территории Ирана стал все же вышеупомянутый онгут Чин-Тимур [Джувейни, 2004, с. 343, 351]).

Наиболее ярко проявилось противоречие между желанием Джучи сохранить свои будущие владения, добившись их подчинения мирным путем, и воинственными намерениями его отца и братьев именно при осаде Ургенча, продлившейся, согласно разным источникам, от четырех до семи месяцев. Как и перед началом военных действий в отношении других городов, старший сын Чингис-хана перед началом осады направил в Ургенч свое посольство (или даже несколько), предлагая жителям сдаться и признать его власть, поскольку отец отдал ему столицу хорезмшаха во владение и он хотел бы сохранить ее в целостности. Ожидая ответа из города, он даже запретил своим войскам разорять округу, включая селения и поля [ан-Насави, 1996, с. 132] (см. также: [Бартольд, 1963, с. 502; Тимохин, 2016, с. 49, 52; Тоған, 2001, с. 157–158]). Обратим внимание, что Джувейни, создававший свою «Историю завоевателя мира» при дворе потомков Толуя, управлявших Ираном и находившихся в конфронтации с золотоордынскими потомками Джучи, ничего не говорит об участии последнего в осаде Ургенча, но тем не менее упоминает, что осаждавшие город Чагатай и Угедэй перед началом боевых действий направили к жителям послов с предложением сдаться [Джувейни, 2004, с. 85]. Полагаем, что это — отражение реальных действий Джучи, упомянутых в других источниках.

Как сообщает Шихаб ад-Дин Насави, участник событий, часть населения Ургенча склонялась к принятию предложения Джучи, однако в конечном счете верх взяли сторонники сопротивления. Полагаем, не последнюю роль в этом сыграла позиция Чагатая — следующего по старшинству брата и, как следствие, главного соперника Джучи в семейной иерархии: строго следуя предписаниям отца и не будучи связан желанием сохранить в целостности потенциальные владения своего старшего брата, он, скорее всего, изначально занял враждебную позицию по отношению к жителям Ургенча и всячески демонстрировал стремление не допустить мирного развития событий. Противостояние двух старших сыновей Чингис-хана зафиксировано в целом ряде источников [Абуль-Гази, 1996, с. 68; Козин, 1941, с. 187; Лубсан Данзан, 1973, с. 226; Рашид ад-Дин, 1952б, с. 216; Утемиш-хаджи, 2017, с. 19]. Причем, как представляется, в них нашла отражение

не только конкуренция братьев, но и борьба двух политик в отношении покоренного населения — более взвешенной и дипломатичной, свойственной Джучи, и суровой и агрессивной, характерной для Чагатая. В результате Чингис-хан отстранил обоих старших сыновей от командования осадой Ургенча, поручив его, по одним сведениям, Угедю [Козин, 1941, с. 187; Рашид ад-Дин, 1952б, с. 216; Абуль-Гази, 1996, с. 68], а по другим — Тулюю [Утемиш-хаджи, 2017, с. 19] (см. также: [Тоган, 2001, с. 166]).

Город был взят после долгой осады и ожесточенного штурма, во время которого жители оказывали отчаянное сопротивление, сражаясь за каждый квартал. Их позиция настолько разгневала Джучи, что он уже и не помышлял о каком-либо сохранении города и пощаде его жителей. Тот же Шихаб ад-Дин Насави, который неоднократно приводит примеры миролюбивых инициатив Джучи, сообщает, что, когда город был почти полностью взят, жители, засевшие в нескольких оставшихся кварталах, направили к старшему сыну Чингис-хана мухтасиба (городского смотрителя) Алла ад-Дина ал-Хаййати, который сказал ему: «Мы уже увидели, как страшен хан, теперь настало время нам стать свидетелями его милосердия», видимо надеясь, что тот попытается сохранить хотя бы часть города и его населения. На это Джучи ответил: «Что страшного они увидели во мне? Ведь они сами губили моих воинов и затянули сражение! Это видел их грозный облик! А вот теперь я покажу, [каков должен быть] страх передо мной!» [ан-Насави, 1996, с. 133]. Нетрудно заметить, что Джучи в своем ответе весьма четко сформулировал причины своего будущего сурового решения о судьбе Ургенча и его жителей: во-первых, они не отреагировали на его мирную инициативу, во-вторых, сражались, убивая его воинов. Сама же риторика старшего сына Чингис-хана, скорее всего, свидетельствует о разочаровании в исходе его дипломатических инициатив, что заставило его ожесточиться и забыть о своих миролюбивых принципах и желании сохранить будущие владения в целости.

Неудивительно, что после того, как город был взят и практически полностью разрушен, население его подверглось жестокой расправе — в соответствии с законами Монгольской империи. Большинство средневековых авторов сообщают, что сыновья Чингис-хана, выделив среди пленников ремесленников (которых оказалось около 100 тыс.), молодых женщин и детей, отправили их «на восток», т.е. в коренные владения Монгольской империи. Остальные же были уничтожены, причем называется совершенно невероятное число жертв: каждый из

монгольских воинов, которых было 50 тыс., умертвил по 24 пленника [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 216–217] (см. также: [Бартольд, 1963, с. 503]), таким образом, общая цифра убитых достигает 1 млн 200 тыс. человек, что, конечно же, является преувеличением. Тем не менее в факте массовой расправы сомневаться не приходится.

Наиболее оригинальные сведения об осаде Ургенча и ее последствиях содержатся в труде еще одного современника — персоязычного автора Джузджани, который сам не был свидетелем этих событий, однако записал весьма характерный рассказ о них. Его пассаж был исследован А.Г. Юрченко, с любезного разрешения которого мы полностью приводим проведенный им анализ:

Осман ибн Сирадж-ад-дин ал-Джузджани бежал от монголов в Индию в 1226 г., т.е. спустя пять лет после падения Ургенча. В Дели он занимал должность главного казия. Свое сочинение «Насировы разряды» шестидесятилетний Джузджани написал в 1259–1260 гг., тогда же, когда молодой Джувайни собирал материалы для «Истории завоевателя мира». В свое время до слуха Джузджани дошли подробности расправы над женщинами Хорезма. Эти сведения признаются труднообъяснимыми [Храпачевский, 2005, с. 271] и характеризуются как «гнусное зрелище» [Буниятов, 1986, с. 153].

Вот что пишет Джузджани: «Войско монголов прибыло к воротам Хорезма, и начался бой. В продолжение 4 месяцев жители Хорезма сражались с ними и отражали неверных, которые, наконец, взяли город, предали весь народ мученической смерти и разрушили все строения, за исключением двух мест: 1) Кушк-и-Ахчека и 2) гробницы султана Мухаммеда Текеша. Некоторые рассказывают, что когда город Хорезм взяли и народ из города вывели в степь, то он [Туши] приказал отделить женщин от мужчин и удержать всех тех женщин, которые им [монголам] понравятся, остальным же сказать, чтобы они составили два отряда, раздеть их догола и расставить вокруг них тюрок-монголов с обнаженными мечами. Затем он сказал обоим отрядам: “В вашем городе хорошо дерутся на кулаках, так приказывается женщинам обоих отрядов вступить между собою в кулачный бой”. Те мусульманские женщины с таким позором дрались между собою на кулаках и часть дня избивали друг друга. Наконец [монголы] накупились на них с мечами и всех умертвили, — да будет доволен ими [убитыми женщинами] Бог» [СМИЗО, 1941, с. 14].

Перед нами картина сексуальных бесчинств. Что побудило монголов устроить кровавую оргию? «Гнусное зрелище» на самом деле является инвариантом праздника хаоса. Город, не подчинившийся сразу воле завоевателей, город, выбравший войну, а не капитуляцию,

вверг себя в хаос, который и был доведен монголами до предела, до крайних форм. Битва за город закончилась эксцессом, оргией мужской силы, призванной развязать и подхлестнуть космические силы. Возврат к порядку лежал через разгул. Бедствия войны приобрели театрализованную форму мировой катастрофы. Мужскую сторону праздника представляли воины-монголы, женскую — хорезмийки.

Наготе женщин соответствовало обнажение мечей у мужчин: фаллическая символика меча общеизвестна (ограничусь одним примером из трактата Омара Хайяма: «Меч есть хранитель царства и надзиратель за народом. Без него не устанавливается ни одно царство, так как только при помощи меча можно охранить законы правления. Первым металлом, добытым в руднике, было железо, так как оно было важнейшим веществом для людей. Первым человеком, сделавшим из него оружие, был Джамшид. Всякое оружие великолепно и необходимо, но нет ничего более необходимого и более великолепного, чем меч, так как он похож на огонь по своему блеску и содержит два элемента. Прозорливые люди говорят, что мир без железа похож на молодого человека без детородного члена, не способного к продолжению рода» [Омар Хайям, 2005, с. 278]).

Однако вместо соперничества мужского и женского был развернут аномальный сценарий женской битвы (как пародия на участие хорезмских женщин в защите своего города), а затем последовало их массовое умерщвление. Война сняла все запреты. Участники действия превратились в inferнальные существа, и открылись врата бездны, с позиции монголов, без остатка поглотившей источник хаоса. Эксцесс был возвратом к условиям мифического прошлого и, в конечном счете, призван был преодолеть крах порядка, вызванного войной, что обернулось посягательством на самые святые и нерушимые законы. Это поистине кощунство, хуже которого не бывает.

К такому объяснению меня натолкнуло чтение книги Р. Кайуа «Человек и сакральное», который в главе «Функция разгула» пишет: «Если охранительный, но подверженный ветшанию порядок основан на мере и различии, то возрождающий беспорядок предполагает неумеренность и смешение. В Китае во всех проявлениях публичной и частной жизни мужской и женский пол разделены плотным барьером запретов. Мужчина и женщина трудятся порознь и занимаются разным делом. Более того, ничто принадлежащее одному полу не должно соприкасаться с тем, что относится к другому. Однако на праздниках, на жертвоприношениях, при ритуальных трудах, при выплавке металлов — всегда, когда требуется что-то сотворить, — мужчина и женщина обязательно должны действовать совместно. «Сотрудничество двух полов было тем более эффективно, — пишет

М. Гране, — что в обычное время оно кощунственно и предназначено лишь для моментов сакральных”. Так, зимние праздники заканчивались оргией, в ходе которой мужчины и женщины сражались между собой и срывали друг с друга одежду. Скорее всего, их целью было не столько обнажиться, сколько надеть на себя завоеванное одеяние» [Кайуа, 2003, с. 237].

«Смена одежды» идеально согласуется с оргаистической практикой. Значение ритуальной оргии, по мнению М. Элиаде, в том, что в подобных ситуациях на пониженном уровне добивались того же «всеединства» добра и зла, того же слияния священного и профанного, полного совпадения противоположностей, преодоления условия человеческого существования через возвращение к неопределенности, к аморфному состоянию [Элиаде, 1998, с. 316]. Путь к совершенству, к цельности Космоса, предполагал достижение некоего состояния андрогинности, слияния мужского и женского.

Битва за Город (сакральный центр династии хорезмшахов) развернулась на двух уровнях: физическом и метафизическом. Сценарий военных игр слился со сценарием мифического обновления пространства и времени. Мистерия хаоса как праздник неумеренности превратилась в праздник смерти, где убийство было осуществлено в самых кощунственных формах. Вместо восстановления порядка произошло нечто невообразимое: мужская энергия войны истребила женское начало как конкурирующую силу. Вместо слияния противоположностей — однополюе царство. Если инициатива расправы, действительно, исходила от Джучи, стоит ли удивляться, что после разгрома города он серьезно заболел и через несколько лет умер загадочным образом?

Суждения и вывод А.Г. Юрченко изложены со свойственной ему некоторой экстравагантностью, однако в целом соответствуют ранее приведенным наблюдениям: Джучи в очередной раз стал перед выбором в определении судьбы враждебных местных жителей, которых рассматривал как своих потенциальных подданных. С одной стороны, он не желал напрасного кровопролития, с другой — не мог оставить без наказания врагов, не отреагировавших на мирные инициативы и оказавших отчаянное сопротивление, приведшее к многочисленным потерям среди его собственных воинов. В соответствии с нормами и принципами права Монгольской империи они считались преступниками и были наказаны с традиционной для того времени жестокостью. Поэтому подобные действия Джучи вряд ли могут свидетельствовать «о некоторых патологиях в характере Джучи» (см.: [Злыгостев, 2018, с. 245]).

Нежелание жителей городов Хорезма покоряться Джучи и его войскам, казалось бы, можно было объяснить существенными различиями между тюрко-монгольскими войсками завоевателей и оседлым населением Средней Азии. Однако не будем забывать, что значительную часть войск державы хорезмшахов составляли кочевники-кипчаки. Они же вступили в противодействие с Джучи и после того, как он завершил свое участие в хорезмской кампании Чингис-хана: согласно как восточным, так и западным источникам, при его дальнейшем продвижении на запад кипчакские племена объединились и оказали Джучи ожесточенное сопротивление [Абуль-Гази, 1996, с. 78–79; СМАЗО, 1941, с. 14; Христианский мир..., 2002, с. 108–109; Хаутала, 2015, с. 367, 371, 431, 437] (см. также: [Ускенбай, 2013, с. 50]). В очередной раз ему не удалось завершить дело миром и пришлось сурово расправиться со своими потенциальными подданными, не пожелавшими покориться.

Конечно же, не следует идеализировать старшего сына Чингис-хана и приписывать ему мягкость и гуманизм в отношении врагов: все-таки он был сыном своего отца и своего времени, представителем своего степного общества, в глазах которого мягкость могла быть истолкована как слабость (ср.: [Темиргалиев, 2016, с. 148]). Вместе с тем он был заинтересован в том, чтобы стать правителем не только обширного, но также густонаселенного и благоустроенного улуса, и вдобавок имел опыт подчинения врагов без кровопролития, который, надеялся он, будет иметь продолжение и в рамках этого похода. Но, как мы имели возможность убедиться, население Средней Азии и Дешт-и Кичпака слишком негативно отнеслось к его мирным инициативам, заставив отказаться от дипломатии и действовать методами «узаконенной жестокости», широко распространенной и весьма эффективной в условиях боевых действий Средневековья [Макглинн, 2011]. Тем не менее его мирные инициативы остались в памяти современников и даже более поздних авторов. Так, армянский принц-историк Гетум (Гайтон) в своем сочинении «Цветник историй краев Востока», составленном в 1307 г. во Франции, отмечает, что при завоевании среднеазиатских владений Джучи «без какого-либо противостояния установил здесь свои шатры и стал владеть теми землями в мире и благоденствии» [Хаутала, 2019, с. 213]. Хотя данное сообщение не соответствовало действительности (да и вообще указанное сочинение изобилует многочисленными фактическими ошибками), нельзя не обратить внимания на то, что этот автор, столь далекий от описываемых им реалий, отметил миролюбие политики Джучи.

Таким образом, некоторые сведения источников позволяют сделать вывод, что Джучи гораздо чаще, чем его отец, братья и другие современники, старался добиваться цели мирными средствами и в принципе демонстрировал куда меньшую воинственность. Это нашло отражение не только в вышеописанных конкретных случаях, но и в высказываниях старшего сына Чингис-хана, либо действительно имевших место, либо приписываемых ему. Так, согласно «Сокровенному сказанию», во время небезызвестной ссоры, в ходе которой Чагатай прилюдно назвал Джучи «наследником меркитского плена», тот в ответ обвинил его в том, что он превосходит всех «одной лишь свирепостью» [Козин, 1941, с. 183–185], тем самым давая понять, что сам предпочитает иные методы взаимодействия и с подданными, и с врагами. В более позднем монгольском историческом сочинении «Алтан Тобчи» Джучи приписывается следующий ответ на вопрос Чингис-хана, что есть лучшее наслаждение: «По моему разумению, самое лучшее наслаждение состоит в том, чтобы стремиться умножить свои многочисленные табуны, чтобы они тучнели, чтобы установить на становище дворцовую юрту и пировать в ней и веселиться» [Лубсан Данзан, 1973, с. 208]. Наконец, согласно вышеупомянутому Джузджани, после покорения Хорезма Джучи сурово осудил политику своего отца, проявленную во время среднеазиатской кампании: «Чингиз-хан сошел с ума, что губит столько народа и разрушает столько царств» [СМИЗО, 1941, с. 14].

Вполне возможно, последнее высказывание является преувеличением (как и описанная Джузджани «мистерия хаоса» после взятия Ургенча), однако нельзя исключать, что Джучи мог себе позволить некоторую несдержанность в оценках своего отца, тем более что и Чингис-хану приписывается фраза, которую он якобы произнес, будучи выведенным из себя своеволием первенца: «Я его казню, не видать ему милости» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 79].

Вряд ли следует принимать всерьез подобные высказывания, учитывая, насколько основатель Монгольской империи выделял своего старшего сына. Джучи не только первым получил улус после покорения «лесных народов», но и стал обладателем самых обширных владений при разделе их Чингис-ханом между сыновьями и родичами после завоевания Хорезма. В.В. Трепавлов совершенно обоснованно рассматривает Джучи как официального соправителя отца в отношении «западных улусов», хотя позволим себе не согласиться с тем, что первенец уже при жизни мог носить титул их «старшего хана». На это указывает упоминание Джучи в источниках под разными титулами:

Джувеини именует его «улус-иди», т.е. «правитель улуса» [Джувеини, 2004, с. 57, 557], Лубсан Данзан — «наместником» или «даругачи кипчаков» [Лубсан Данзан, 1973, с. 229, 230] (см. также: [Ускенбай, 2013, с. 54]), составители «Юань ши» — «цинъваном запада» [Золотая Орда..., 2009, с. 221].

Особенности политической позиции Джучи не были секретом для Чингис-хана и других его сыновей. Это подтверждается, в частности, тем, что в перерывах между своими военными кампаниями основатель Монгольской империи поручал первенцу не какие-либо военные миссии, а организацию охоты — об этом сообщают, в частности, Джувеини и Абуль-Гази [Абуль-Гази, 1996, с. 78, 79; Джувеини, 2004, с. 29] (см. также: [Бартольд, 1963, с. 452, 522]).

Напряженность в отношениях Джучи с отцом, выражавшаяся, в частности, в уклонении первенца Чингис-хана от участия в курултаях и прочих мероприятиях и постоянном пребывании его в своих новых владениях на последнем этапе жизни, о чем упоминает ряд тенденциозных источников и базирующихся на них исследований [Рашид ад-Дин, 1960, с. 78–79; СМАЗО, 1941, с. 14] (см. также: [Бартольд, 1963, с. 525, 531; Кычанов, 2001, с. 35; Темиргалиев, 2016, с. 142–143]), опровергается сообщениями других средневековых исторических сочинений. Так, Джувеини сообщает, что, когда Чингис-хан завершил свою хорезмскую кампанию и призвал к себе сыновей, Джучи, пребывавший в Дешт-и Кипчаке, немедленно откликнулся и прибыл к отцу [Джувеини, 2004, с. 94]. Абуль-Гази также упоминает, что вскоре после покорения Дешт-и Кипчака старший сын прибыл к отцу, пригнав в дар сорок тысяч лошадей [Абуль-Гази, 1996, с. 79] (см. также: [Ускенбай, 2013, с. 54–55]). Опровергаются источниками и неприязненные отношения Джучи с братьями. Так, Гетум (Гайтон) описывает, как Чагатай, потеряв немало людей на пути в Малую Индию, добрался до владений Джучи, который «из сочувствия к своему брату, из земель, которые он ранее приобрел, щедро предоставил часть ему и его людям» [Хаутала, 2019, с. 215] (возможно, впрочем, что это сообщение отражает претензии потомков Джучи на часть владений Чагатая во второй половине XIII в.: далее автор констатирует, что Барак, потомок Чагатая, «удерживает теперь домен Джучи»). В свою очередь, и Абуль-Гази упоминает, что во время визита к отцу Джучи «к своим младшим братьям показал полную и нежную привязанность» [Абуль-Гази, 1996, с. 79]. Думается, подобные детали также дополняют образ Джучи как взвешенного и разумного правителя, не желающего конфликтовать с кем бы то ни было при отсутствии серьезных оснований.

Вместе с тем, понимая, что Джучи может время от времени проявить излишнее миролюбие, Чингис-хан и другие члены рода старались контролировать его действия. Тот же Чагатай, по-видимому, совершенно не одобрял политической позиции старшего брата, поскольку в ответ на упреки отца (по поводу обвинения Джучи в незаконнорожденности) пообещал: «Вот и будем мы парюю служить ба-тюшке государю. И пусть каждый из нас руку по самое плечо отхватит тому, кто будет фальшивить, пусть ногу по жилам отхватит по самую голень тому, кто отставать станет» [Козин, 1941, с. 185–186]. Вероятно, этим он попытался намекнуть на то, что именно старший брат может «фальшивить» или «отставать» при выполнении приказаний отца в процессе расширения империи.

Источники неоднократно отмечают, что Чингис-хан, отправляя Джучи и в военные кампании, и для управления выделенным ему улусом, придавал ему собственных сподвижников [Козин, 1941, с. 177; Лубсан Данзан, 1973, с. 187, 230–233; Рашид ад-Дин, 1952б, с. 274]. Несомненно, это делалось не от недоверия (иначе вряд ли старший сын получил бы столь высокий статус в семейной и имперской иерархии), а именно с целью «корректировки» его политики, обеспечения более точного следования политической линии самого Чингис-хана. И, возможно, не без их влияния и участия Джучи выносил те самые суровые решения и приговоры, которые при других обстоятельствах постарался бы смягчить.

Таким образом, нужно отметить, что, хотя Джучи и не успел в полной мере проявить себя как полноценный правитель собственного улуса, его действия на пути становления в этом качестве все же позволяют сделать определенные выводы о практикуемых им методах управления и решения конфликтов. Основу этих методов составляло намерение решать дело прежде всего мирным, дипломатическим путем, искать компромиссы с многочисленными подданными из числа разных народов, языков и религий. Вместе с тем при невозможности применения этой методики старший сын Чингис-хана не колебался в принятии суровых решений в отношении нарушителей законодательства Монгольской империи и карал их по всей строгости имперского права. Анализ деятельности его потомков и преемников — золотоордынских ханов — показывает, что наиболее значительные из них во многом следовали политике, начало которой было положено именно основателем Улуса Джучи.

Проанализированные примеры из военного и государственного опыта Джучи, думается, могут дополнить наши представления об осо-

бенностях реализации правосудия чингисидскими правителями имперского периода в специфических условиях военного времени, тем самым расширяя знания о различных видах и формах суда и процесса в Монгольской империи и ее государствах-наследниках.

§ 4. Правосудие для всех: судебная практика хана Угедэя

Как мы убедились, начало формирования «ханского правосудия», т.е. появление у хана прерогатив высшей судебной инстанции с правом вынесения решения на основе собственного усмотрения в Монгольской империи, было связано с деятельностью ее основателя — Чингис-хана, причем еще до того, как он официально провозгласил себя правителем этого государства. Однако нельзя не согласиться с мнением исследователей о том, что в рамках организации судебной деятельности в Монгольской империи Чингис-хан лишь назначил главного судью — нойона Шихи-Хутага, тогда как никакой системы судебных учреждений, равно как и правового обеспечения судебной деятельности, им создано не было. Суд продолжал находиться в ведении родо-племенных предводителей, религиозных и городских общин [Вернадский, 1999, с. 132; Рязановский, 1931, с. 304; Скрынникова, 2002, с. 164–165, 171–172]. Кроме того, судебные полномочия оказались у монгольских военачальников, которые, став по воле Чингис-хана наместниками завоеванных территорий, постоянно злоупотребляли этими полномочиями: согласно китайским источникам, ко времени вступления на престол Угедэя, сына и наследника Чингис-хана, «местные правители своевластно располагали жизнью и смертью. За оскорбление мстили мечом и оковами, отчего иногда целые семейства подвергались несчастью» [Бичурин, 2005, с. 112].

Представляется, что именно во время правления Угедэя (1229–1241) судебная система Монгольской империи стала формироваться и базироваться на тех принципах, которые и обеспечили эффективность ее действия не только в империи, но и в государствах, впоследствии выделившихся из ее состава. Ниже предпринимается попытка проанализировать судебную практику хана («каана») Угедэя и выявить базовые институты и принципы монгольского имперского процессуального права.

Основными источниками наших знаний о деятельности Угедэя в судебной сфере являются средневековые исторические памятники.

В упомянутой династийной истории «Юань ши», а также в надписи на могиле Елюя Чуцая, канцлера при дворе Угедэя, приводятся сведения об основных направлениях судебной политики этого хана. Наиболее подробные сведения о конкретных судебных делах, разбиравшихся Угедэем, содержатся в сочинениях персидских авторов — «Истории завоевателя мира» Алла ад-Дина Ата-Малика Джувейни и «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, причем второй из них, по мнению исследователей, практически полностью опирается на сведения первого при передаче этой информации [Бира, 1978, с. 151]. Некоторые дополнительные сведения о суде в эпоху Угедэя можно обнаружить, в частности, в «Кратких известиях о черных татарах», составленных Пэн Да-я и Сюй Тинном, послами китайской империи Сун, которые побывали в Монгольской империи соответственно в 1233 и 1235 гг., т.е. в середине правления Угедэя. Определенного внимания заслуживают отдельные сообщения более поздних памятников историографии — например, монгольские исторические хроники XVII–XIX вв., в которых образ Угедэя претерпел существенную эволюцию по сравнению с источниками XIII–XIV вв., а также «История Небесной империи», представляющая собой переработку сведений «Юань ши», предпринятую по приказу маньчжурских властей династии Цин в первой половине XVII в.

Итак, Угедэй, вступив на престол, в качестве повелителя Монгольской империи также унаследовал, с одной стороны, прерогативы верховного судьи, с другой же — проблемы с реализацией правосудия в своих обширных владениях. Необходимость реформирования судебной деятельности была им осознана на первом же году правления, уже в 1230 г. Елюй Чуцай, советник, «унаследованный» Угедэем от Чингис-хана и вскоре назначенный новым монархом на пост канцлера, проанализировав ряд судебных дел, сформулировал базовые принципы организации правосудия, включая подсудность дел различных категорий. В первую очередь речь шла о преступлениях против государства и порядка управления, а также о должностных преступлениях. В частности, он рекомендовал предавать суду за произвольное введение наместниками налогов, за предоставление и принятие в залог казенных вещей, за злостное уклонение от уплаты налогов и т.д. [Бичурин, 2005, с. 151; История..., 2011, с. 56–57]. Согласно Пэн Да-я и Сюй Тину, хан Угедэй весьма ответственно относился к собственной роли верховного судьи и лично разбирал многие дела, в отдельных случаях советуясь с членами рода Чингис-хана, но никогда не передоверяя судебные обязанности своим китайским чи-

новникам [Золотая Орда..., 2009, с. 43]. В связи с этим сосредоточимся на конкретных судебных делах, разобранных Угедэем, чтобы выявить заложенные им принципы ханского правосудия и организации процессуальной деятельности.

Сразу следует отметить, что многие решения Угедэя, изложенные Джувейни и Рашид ад-Дином, в значительной степени носят характер назидательных рассказов, подчеркивающих образ наследника Чингис-хана как идеального монарха — справедливого, великодушного и щедрого. Более того, в ряде случаев они представляют собой «кочующие сюжеты», которые в разное время приписывались правителям тех или иных государств и эпох. Тем не менее ряд казусов представляется отражением реальных политико-правовых и социально-экономических условий развития Монгольской империи в правление Угедэя и, соответственно, позволяет решить поставленные нами задачи по реконструкции суда и процесса рассматриваемого периода.

Большинство казусов связаны с разбирательством дел либо новых подданных Монгольской империи, не принадлежавших к монголам и кочевникам, либо иностранцев, и, как правило, обычно решение хана Угедэя состояло либо в прощении им долга, либо в вознаграждении, причем существенно превышавшем ту сумму, на которую сами они рассчитывали. Несомненно, подобные решения прежде всего отражали интерес Угедэя к развитию торговли в своих владениях, расширению товарно-денежных отношений между своими подданными различных национальностей и родов деятельности. Не случайно именно в правление Угедэя начинается массовая чеканка монгольской золотой и серебряной монеты, что дает основание исследователям даже говорить о проведении этим ханом денежной реформы [Петров, Белтенев, 2015]. Тем не менее в ряде казусов присутствуют любопытные нюансы, которые представляют интерес с точки зрения истории судебного процесса в Монгольской империи.

Так, например, один истец обратился к хану с просьбой о выдаче ему 500 балышей (серебряных слитков), для того чтобы начать дело. Советники Угедэя указали монарху, что этот человек погряз в долгах и указанная сумма целиком пойдет на их погашение, — тогда хан приказал выдать ему 1 тыс. балышей, из которых половина должна была пойти на выплату долга, а вторая — на развитие дела [Джувейни, 2004, с. 141; Рашид ад-Дин, 1960, с. 51]. Несмотря на щедрость Угедэя, нельзя не обратить внимания на то, что в данном разбирательстве проявлялся интерес к личности и «кредитной истории» истца — пусть даже не самим ханом-судьей, а его советниками.

В другом разбирательстве участвовал купец, который трижды за три года получал от Угедэя по 500 балышей и каждый год приходил за новым займом, приводя «не заслуживающие внимания доводы». На третий год битикчи (писцы) по поручению хана провели расследование и выяснили, что купец не вкладывал деньги в дело, а тратил их на путешествия и питание. Как великодушный монарх, Угедэй простил недобросовестного должника, поручив лишь внушить ему, чтобы в дальнейшем он так не поступал [Джувейни, 2004, с. 141–142; Рашид ад-Дин, 1960, с. 52]. Между тем весьма любопытно, что именно на третий год хан поручил своим чиновникам провести расследование деятельности купца. Дело в том, что, согласно положению, включенному арабским историком ал-Макризи в состав Великой Ясы Чингис-хана, «кто возьмет товар и обанкрутится, потом опять возьмет товар и опять обанкрутится, потом опять возьмет товар и опять обанкрутится, того предать смерти после третьего раза» (цит. по: [Вернадский, 1999, с. 132]). Как видим, купец в полной мере подпадал под действие этого правила. А поскольку в соответствии с рекомендацией Елюя Чуцяя все смертные приговоры должны были утверждаться лично ханом, Угедэй и приказал установить обстоятельства дела — и, согласно персидским историкам, не нашел оснований для смертной казни.

Еще один казус связан с деятельностью в Монгольской империи иностранных торговцев, которые, пользуясь неопытностью многих подданных Угедэя в товарно-денежных операциях, безбожно заламывали цены на свои товары, причем нередко даже сначала получали деньги, а лишь потом поставляли товар, не отличавшийся при этом высоким качеством. Когда чиновники Угедэя представили ему сведения о подобной практике, он приказал продолжать оплачивать такие товары по повышенным ценам, сказав при этом битикчиям весьма примечательную фразу: «Сделки с казной выгодны купцам при [получении] лишнего, так как у них наверняка есть расходы на вас, битикчиев. Это я оплачиваю ваш каравай [хлеба], чтобы они не ушли от нашего величества с убытком» [Джувейни, 2004, с. 144–145; Рашид ад-Дин, 1960, с. 54]. Безусловно, хан знал, о чем говорил, поскольку чиновники в Монгольской империи и впоследствии в государствах Чингисидов в основном жили именно за счет подношений («сахуа»), которые в их глазах являлись вознаграждением за работу (своего рода сбором или пошлиной; см. об этом подробнее: [Почекаев, 2015, с. 256–265]), а в глазах тех, кто имел с ними дело, конечно же, взяточной. Например, Сюй Тин весьма неодобрительно описывал подобную практику: «Пусть [у судящихся] и имеются хорошие связи, но все

равно в судебных делах используется сахуа: даже сообщив [свое дело] перед главой татар, все равно [без сахуа] в итоге не дадут решения и уйдешь [ни с чем]» [Золотая Орда..., 2009, с. 43].

В другом казусе Угедэй за преподнесенную ему «шапку персидского образца», будучи в состоянии опьянения (впрочем, обычном для него, как известно из источников), приказал выплатить продавцу 200 балышей. По этому поводу даже была составлена расписка, которую чиновники, однако, не удостоверили печатью-тамгой, поскольку опасались, что хан принял такое решение спьяну. На следующий день, узнав, что продавец денег так и не получил, хан велел выплатить ему уже 300 балышей, но чиновники снова поступили так же; и эта история продолжалась, пока сумма не дошла до 600 балышей. В результате хан сурово отчитал чрезмерно ответственных чиновников, приказав выплатить оговоренную сумму [Джувейни, 2004, с. 145–146; Рашид ад-Дин, 1960, с. 54–55]. Однако нельзя не обратить в данном случае внимание на действие принципа, который и сегодня широко применяется в частноправовых отношениях: недействительность сделки, заключенной лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения.

Некоторые торговцы, являясь своего рода «компаньонами» монгольских ханов и других членов рода Чингисидов, в случае неисполнения обязательств привлекались к суду непосредственно самими представителями правящего рода. Так, один уртак (торговец, ведший дела на деньги казны) не выплатил полагающуюся хану долю прибыли, но сказал его чиновникам, что отдал ее якобы лично в руки Угедэю. Его доставили во дворец, однако, отвечая на вопрос хана, он не мог припомнить детали и свидетелей этого события. Хан, уличивши его, тем не менее решил не наказывать, а «перевоспитать» его: когда все уртаки пришли с товарами к ханским чиновникам, он велел не принимать товары у недобросовестного должника, а когда тот выразил раскаяние, велел все же купить у него товары по высокой цене [Джувейни, 2004, с. 153–154; Рашид ад-Дин, 1960, с. 58–59]. В данном казусе обращает на себя внимание использование для установления ложности показаний ответчика очной ставки, участником которой стал, что примечательно, сам хан.

Пользовались щедростью Угедэя и лица, чьи долги не были связаны с торговлей, которой хан так покровительствовал. Например, жители китайского города Тайминфу просили либо простить им долг в размере 8 тыс. балышей, либо позволить выплатить его в рассрочку, заявляя, что в противном случае им грозит полное разорение.

На это хан пообещал возместить долги из казны, как только будут представлены документы или показания самих должников. Правда, в данном случае персы Джувейни и Рашид ад-Дин не упустили случая покритиковать «неверных» китайцев, которые, воспользовавшись этой возможностью, не только были освобождены от уплаты долга, но еще и заработали почти столько же, поскольку нередко по предварительному сговору один выдавал себя за займодавца, а другой — за должника, при этом оба не являлись ни тем, ни другим [Джувейни, 2004, с. 142; Рашид ад-Дин, 1960, с. 52]. Тем не менее своим решением, пусть и обременительным для казны, Угедэй продемонстрировал, что в равной степени учитывает интересы своих и монгольских, и китайских подданных. В процессуальном же отношении интересно отметить, что доказательствами в подобных случаях могли являться как документы (расписки), так и устные показания участников разбирательства.

Другие казусы были связаны уже не с частноправовыми (в основном торговыми), а с публично-правовыми отношениями, преимущественно относящимися к сфере преступлений и наказаний. И в этих случаях Угедэй не упускал возможности проявить свое великодушие, позаботившись одновременно о подкреплении собственных решений принципами права и процесса.

Одним из известных и периодически используемых исследователями примеров суда Угедэя является история с мусульманином, который совершал омовение и сидел в воде, когда мимо проезжали Угедэй со своим старшим братом Чагатаем (см., например: [Юрченко, 2002, с. 168–171]). Последний вошел в историю как человек высокой принципиальности в соблюдении законов и заветов своего отца Чингис-хана, поэтому, увидев, что мусульманин нарушает запрет мыться и стирать одежду в проточной воде, установленный для всех подданных империи, потребовал его казни. Однако Угедэй выручил нарушителя, убедив брата, что тот не моется, а лишь ищет серебряный балыш, оброненный им в воду [Джувейни, 2004, с. 137–138; Рашид ад-Дин, 1960, с. 49]. Этот казус весьма показателен не только тем, что Угедэй взял под защиту своего немонгольского подданного, но еще и тем, что, вероятно, благодаря данному решению в монгольской правовой и процессуальной практике был заложен принцип освобождения от ответственности того, кто совершил правонарушение по незнанию. Актуальность этого принципа нашла отражение также в «Юань ши»: уже в 1230 г. Угедэй по рекомендации Елюя Чуцая помиловал (по сути, объявив амнистию) многочисленных заключенных, которые попада-

ли в тюрьму, случайно и по незнанию нарушив запреты, установленные монгольскими властями [Мункуев, 1965, с. 189].

Другой пример, на наш взгляд, представляет еще больший интерес: один кипчак (половец) обвинил мусульманина в том, что тот зарезал барана по исламскому обычаю, а не по правилам, установленным монгольскими властями. Однако на следствии выяснилось, что мусульманин допустил это нарушение в своем доме, при закрытых дверях, тогда как кипчак, чтобы выдвинуть обвинение, забрался на крышу этого дома и заглянул внутрь. В результате Угедэй принял решение оправдать мусульманина, а кипчака приказал казнить [Джувейни, 2004, с. 139; Рашид ад-Дин, 1960, с. 49–50]. По нашему мнению, именно данным прецедентом был закреплен один из главных принципов регулирования правоотношений в Монгольской империи, населенной представителями различных народов, культур, религий и укладов жизни: власти не вмешивались в частную жизнь подданных и не пытались распространять на них имперское законодательство, пока его соблюдение или несоблюдение не представляло угрозы либо не являлось прямым оскорблением для государства или самого хана и членов его рода. Именно этот принцип сочетания норм имперского права и национальных или региональных правовых систем обусловил многовековое владычество Чингисидов в различных государствах Евразии.

Принципы религиозной терпимости, которой отличались потомки Чингис-хана, также нашли отражение в ряде судебных дел, разобранных Угедэем.

Один араб (в трактовке персидских авторов, естественно, отступивший от мусульманской веры!) пришел к хану, заявив, что видел во сне Чингис-хана, якобы повелевшего своему сыну устроить гонения против мусульман. На это хан задал коварный вопрос, сам ли Чингис-хан ему это сказал или через переводчика. И получил ответ, что араб услышал эти слова лично от Чингис-хана. Выяснив, что араб не знает монгольского, Угедэй приказал его казнить, объяснив это тем, что его отец не владел никаким языком, кроме своего родного [Джувейни, 2004, с. 154; Рашид ад-Дин, 1960, с. 50–51]. Помимо сурового наказания за разжигание межрелигиозной розни в империи, этот казус интересен также тем, что Угедэй понимал необходимость привлечения переводчика в правозначимых ситуациях. Изучение судебного опыта, в частности, Золотой Орды убеждает нас, что и там участие переводчиков в процессе было явлением достаточно распространенным и четко регламентируемым.

Другой случай, связанный с проблемой вероисповедания, казалось бы, имеет отношение скорее к частноправовой сфере: уйгурский эмир обвинил некоего мусульманина в том, что тот взял у него в долг 4 балыша, которые не отдает, и потребовал для него публичного телесного наказания — нанесения 100 ударов палками по голой спине на базаре. Однако в рамках разбирательства выяснилось, что сам заимодавец притеснял должника, да еще и требовал у него отречься от ислама. В результате Угедэй оправдал и даже наградил должника-мусульманина, а уйгуру приказал дать на базаре 100 палок [Джувейни, 2004, с. 153; Рашид ад-Дин, 1960, с. 58]. Помимо религиозных разногласий, сурово каравшихся монгольскими правителями, в данном случае обращает на себя внимание такой состав правонарушения, как злоупотребление заимодавца своей властью над зависимым от него должником. Симптоматично также, что уйгур понес именно то наказание, которого сам требовал для мусульманина. В данном случае налицо действие древнего принципа (известного еще по Законам Хаммурапи) наказания за оговор: лжесвидетель нес ту же кару, какую по его замыслу должен был понести оклеветанный им.

Не менее интересны и, казалось бы, «бытовые» уголовные дела — кражи, правда случившиеся в ханском дворце.

Пояс Угедэя, из которого выпал драгоценный камень, был передан для ремонта золотых дел мастеру, откладывавшему под разными отговорками его возвращение ханским слугам. Наконец, к ювелиру прислали пристава с требованием вернуть пояс, и он признался, что продал пояс, после чего был связан и доставлен на ханский суд. Угедэй, как и в других случаях, признал тяжесть этого преступления, но нашел оправдание в бедности самого преступника и приказал выдать ему деньги для покрытия долгов с внушением не поступать так впредь [Джувейни, 2004, с. 151; Рашид ад-Дин, 1960, с. 57–58]. Казус интересен тем, что здесь впервые фигурирует пристав — своего рода дознаватель, собирающий доказательства вины подозреваемого и ответственный за его доставку в суд. По-видимому, подобные функции отводились и чиновникам, назначавшимся судьями для расследования дел, окончательное решение по которым выносил хан Монгольской империи²³.

Другое преступление против ханского имущества оказалось еще более дерзким. Во время пира в ханской ставке, когда все опьянели,

---

²³ См. подробнее § 6, в котором характеризуется статус «великого судьи» Мункесар-нойона.

вор украл драгоценный золотой кубок. Не начиная следствия, Угедэй велел объявить, что пощадит того, кто взял его, если тот добровольно вернет похищенное. В результате на следующий день вор вернул кубок и в ответ на вопрос о причинах, побудивших его совершить преступление, заявил, что хотел продемонстрировать хану ненадежность его стражи. Естественно, и в этом случае хан великодушно простил похитителя [Джувейни, 2004, с. 155; Рашид ад-Дин, 1960, с. 58]. В данном казусе интересно то, что основанием для оправдания послужила добровольная явка с повинной. Подобные случаи помилования преступников известны и в русско-ордынских отношениях: так, в 1337 г. тверской князь Александр Михайлович, десять лет скрывавшийся от ханского гнева, сам явился к хану Узбеку, и тот простил ему убийство ханского посла в Твери в 1327 г. и даже вернул тверской престол [ПСРЛ, т. XV, 2000, стб. 48].

Еще один случай, пожалуй, более других соответствует типу назидательных рассказов с «кочующим сюжетом». На ханский суд были доставлены три преступника, которых приговорили к казни. Однако к ханскому великодушию прибегла женщина, оказавшаяся супругой одного, матерью другого и сестрой третьего из приговоренных. Когда хан предложил ей выбрать одного из них, которого он мог бы пощадить, женщина выбрала брата, объяснив, что другие мужья и сыновья у нее еще могут быть. В результате хан пощадил всех троих [Джувейни, 2004, с. 155]. Подобные сюжеты встречались и в более ранней восточной нарративной традиции, чем рассказ Джувейни, и в русских былинах (например, «Авдотья-Рязаночка»). Однако мы не можем однозначно отвергать данный рассказ как полностью вымышленный, поскольку благодаря русским путешественникам по Монголии известно, что право женщин просить правителей-судей о снисхождении к виновным родичам существовало там и в гораздо более поздние периоды. Например, сибирский чиновник и востоковед А.В. Игумнов, несколько раз побывавший у монголов в конце XVIII — начале XIX в., писал: «Если женщина придет к князю и будет просить об освобождении ее или кого из ближних от положенного наказания, то из уважения к сему полу небольшие наказания прощаются, а большие уменьшаются вполовину» [Игумнов, 1819, с. 113].

Завершая анализ судебных дел, разбиравшихся Угедэем, по сведениям персидских придворных историков, обратимся к рассказу, в котором монарх фигурирует (как отмечают сами же Джувейни и Рашид ад-Дин) не как великодушный правитель, а как строгий судья, беспощадно карающий за попытки нарушить ханскую волю. В одном

монгольском племени, не пожелавшем выдавать своих дочерей замуж на сторону по воле хана, решили уклониться от исполнения ханского повеления, помолвив их или фиктивно выдав замуж за своих же соплеменников. Хан, узнав об этом, повелел провести расследование, а затем, рассмотрев дело, издал ясу, согласно которой часть девушек велел забрать в гарем, часть раздал своим приближенным, а остальных — прочим лицам, находившимся в ставке, в том числе и иноземцам [Джувейни, 2004, с. 161–162; Рашид ад-Дин, 1960, с. 63–64]. Казус интересен, во-первых, с процессуальной точки зрения: упоминается следствие по делу, а также закрепление ханского приговора ясой (это опровергает мнение о том, что в Монгольской империи действовала только одна Великая Яса Чингис-хана). Во-вторых, весьма показательно, что если в других казусах Угедэй демонстрировал великодушие по отношению к своим новым подданным немонгольского происхождения — китайцам, персам, тюркам Средней Азии, то в данном случае он подверг суровому наказанию «свое» же монгольское племя, тем самым показав, что его правосудие равно для всех и что для него не важна этническая принадлежность не подчинившихся его приказам.

В заключение отметим, что активная судебная деятельность Угедэя, заложившая базовые принципы ханского правосудия в Монгольской империи, стала вполне логичным элементом его государственной деятельности в целом. Именно при этом монархе были созданы основы централизованной системы управления с разделением властных полномочий между военными и гражданскими чиновниками [Бичурин, 2005, с. 119; Мункуев, 1965, с. 73–74], стимулировалось развитие товарно-денежных отношений [Петров, Белтенев, 2015], было упорядочено налогообложение с кочевых и оседлых подданных [История..., 2011, с. 65; Мункуев, 1965, с. 77–79], активно шел процесс трансформации обычного права кочевых племен Евразии в четкую систему имперского законодательства [Почекаев, 2022б, с. 17–28]. Значение деятельности наследника Чингис-хана в судебной сфере нашло отражение даже в заглавии одного из разделов «Сборника летописей», посвященных его правлению: Рашид ад-Дин, наряду с другими его достижениями, упоминает «о хороших приговорах, кои он давал» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 7] (см. также: [Скрынникова, 2002, с. 170]). Тот факт, что сам Угедэй придавал большое значение своей судебной деятельности, подтверждает приписываемое ему изречение в «Сокровенном сказании» — монгольской исторической хронике, которая, как считается, была составлена около 1240 г., т.е. ближе к концу

его правления. В речи, служащей своеобразным подведением итогов его правления, Угедэй среди своих «упущений и пороков» приводит пример неправоты в судебной сфере: «Вы спросите затем, что за вина такая извести, как я извел тайно Дохолху. Да, это было тяжкое преступление погубить Дохолху, который всегда шел впереди всех пред очами своего государя, моего родителя-хана. Кому же теперь предварять всех, указуя путь, на глазах моих? Признаю вину свою в том, что по неразумной мести погубил человека, который пред очами хана-родителя опережал всех в ревностном исполнении Правды-Торе» [Козин, 1941, с. 199].

В более поздней монгольской историографии (XVII — начало XX в.) образ Угедэя существенно трансформировался. Прежде всего, он перестал характеризоваться как идеальный правитель, наделенный многочисленными достоинствами: ведь историографы этого времени составляли свои труды при дворах монгольских ханов — потомков Толуя, отнявших власть у семейства Угедэя, и им было важно подчеркнуть предопределенность перехода власти в империи к другой ветви Чингисидов [Базарова, 2006, с. 104–105]. В трудах буддийских монахов-историков гораздо больше внимания уделяется установлению Угедэем контактов с тибетскими духовными лидерами — в частности, с Сакья-пандитой, который, по преданию, излечил хана от болезни ног, тем самым поспособствовав формированию им политики покровительства буддизму [Бира, 1978, с. 197; Цендина, 2007, с. 29, 118–119, 166]. В светской же монгольской историографии, представители которой во многом опирались на традиции, заложенные в «Юань ши», больше говорится, во-первых, о законодательной деятельности Угедэя, а во-вторых, о существенной роли в этой деятельности его советника и министра Елюя Чуцая [Бира, 1978, с. 113; Цендина, 2007, с. 168–170, 179, 216, 226].

Тем не менее, как представляется, проанализированные в рамках настоящего исследования сведения дают основание высоко оценивать заслуги хана Угедэя в формировании системы монгольского имперского правосудия и, без сомнения, считать его одним из важнейших реформаторов на начальном этапе становления этой системы. Неудивительно, что заложенные Угедэем принципы ханского правосудия и имперской судебной системы впоследствии применялись как его преемниками на троне Монгольской империи, так и в государствах Чингисидов, позднее выделившихся из ее состава.

Pochekaev, Roman Yu. Khan's justice: essays on history of the court and proceedings in the Turkic-Mongol states: since Chinggis Khan to the beginning of the 20th century / R. Yu. Pochekaev ; HSE University. — Moscow: HSE Publishing House, 2024. — 448 pp. — 600 copies. — ISBN 978-5-7598-2909-6 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-4099-2 (e-book).

The monograph is the first attempt in the legal-historical science to characterize the court and proceedings in the Turkic-Mongol states on a base of the Mongolian imperial law established by Chinggis Khan at the edge of 12th–13th cc. and later used by his direct descendants and other successors for ages down to the beginning of 20th c. The book is a series of essays with the analysis on a base of the wide circle of sources and results of previous studies the process of rise, development and decline of the khan' justice is traced. Author examines single examples of trials as well as clarifies general trends, principles of proceedings, similarities and differences of different aspect of court and proceedings in different states of Eurasia during different periods of time. The base for the research includes a number of legal and non-legal monuments. The systematization of their information allows to reconstruct different elements of court and proceedings in different states and epochs as well as clarify an attitude of contemporaries and descendants towards the khans' justice.

The book is designed for specialists in the field of history of state and law, court and proceedings, as well as for historians and orientalists who study problems of history of the traditional states of Eurasia, specialists in source-study, ethnographers, anthropologists and students who majoring in the aforementioned specialities.

Научное издание

Почекаев Роман Юлианович

Ханское правосудие

**Очерки истории суда и процесса
в тюрко-монгольских государствах:
От Чингис-хана до начала XX века**

Зав. книжной редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Г.Е. Шерихова*

Макет и компьютерная верстка: *Л.В. Маликина*

Корректор *О.И. Ростковская*

Дизайн обложки: *В.П. Кориунов*

На обложке — иллюстрация к «Джами ат-таварих»
(«Сборнику летописей») Рашид-ад-Дина. 1-я четверть XIV в.
(<https://commons.wikimedia.org/wiki/File:DiezAlbumsDignitaries.jpg>)

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг
обращайтесь в отдел реализации
тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15296, 15297
bookmarket@hse.ru

Формат 60×88 1/16. Гарнитура Newton

Усл. печ. л. 27,2. Уч.-изд. л. 26,1

Тираж 600 экз. Изд. № 2756

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано ООО «Фотоэксперт»

109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42